

КЕЛЛИ И ТОМАС ФРЕНЧ

Джунипер

ИСТОРИЯ
ДЕВОЧКИ, КОТОРАЯ
ПОЯВИЛАСЬ НА СВЕТ
СЛИШКОМ РАНО

О БЕЗГРАНИЧНОЙ РОДИТЕЛЬСКОЙ
ЛЮБВИ, ЛОМАЮЩЕЙ ПРЕГРАДЫ

Прививка счастья. Истории спасения и
выздоровления, с которых жизнь началась с начала

Томас Френч

**Джунипер. История
девочки, которая появилась
на свет слишком рано**

«ЭКСМО»

2016

УДК 616-053.2
ББК 57.3

Френч Т.

Джунипер. История девочки, которая появилась на свет слишком рано / Т. Френч — «Эксмо», 2016 — (Прививка счастья. Истории спасения и выздоровления, с которых жизнь началась с начала)

ISBN 978-5-699-95137-6

Девочка по имени Джунипер родилась на четыре месяца раньше срока. Она весила чуть меньше половины килограмма, ее тело было размером с куклу Барби, голова была меньше, чем теннисный мячик, а кожа — почти прозрачная, и сквозь нее можно было увидеть сердце. Дети, рожденные настолько раньше срока и находящиеся на грани жизнеспособности, вызывают невольный вопрос: что будет большим проявлением любви — попытаться спасти это или отпустить?.. Келли и Томас решили бороться за жизнь своей дочери, и это их невероятная история. Внимание! Информация, содержащаяся в книге, не может служить заменой консультации врача. Перед совершением любых рекомендуемых действий необходимо проконсультироваться со специалистом.

УДК 616-053.2
ББК 57.3

ISBN 978-5-699-95137-6

© Френч Т., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

От автора	6
Тоннель	7
Часть 1	8
Келли: никто не может запретить вам спасти чью-либо жизнь	9
Том: желание побеждает страх и трудности	15
Келли: последствия урагана страшны, но поправимы	20
Том: прозаичность непорочного зачатия	23
Келли: за чудо нужно бороться	27
Том: о трудностях морального выбора	30
Часть 2	34
Келли: последствия преждевременной радости	35
Том: отрицание беды	39
Келли: сохранить жизнь любой ценой	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Келли и Томас Френч
Джунипер
История девочки, которая
появилась на свет слишком рано

Посвящается Джунипер

Мы остаемся как бы незавершенными, пока некто более мудрый и достойный, чем мы сами, – а именно таким должен быть друг, – не поможет нам бороться с нашими слабостями и пороками.

Мэри Шелли, «Франкеништейн, или Современный Прометей» (пер. З. Александровой)

* * *

Kelley and Thomas French
Juniper: The Girl Who Was Born Too Soon

This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2016 by Kelley Benham French and Thomas French

© Банников К.В., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

От автора

Это нехудожественная книга, основанная на событиях, произошедших с нашей семьей в Сент-Питерсбергской детской больнице штата Флорида. Ни один факт не является вымышленным. Практически вся книга основана на записях, которые мы сделали во время пребывания нашей дочери в отделении интенсивной терапии для новорожденных. Свои записи и воспоминания мы уточняли, опрашивали многочисленных врачей и медсестер, которые ухаживали за нашей дочерью, перечитывали ее медицинскую карту.

Тоннель

Она появилась на свет, балансируя между возможным и реальным, жизнью и смертью, высокомерием и упованием. Ее глаза были плотно закрыты, череп лишь наполовину сформирован, из-за чего ее голова казалась скорее мягкой, чем твердой. Кожа была такой прозрачной, что прямо под ней просматривался трепещущий кулачок ее сердца.

Врачи и медсестры окружали пластиковый инкубатор, прилагая все свои умения, используя все доступные аппараты и работая на пределе человеческих возможностей, чтобы спасти ее. Вскоре мы стали забывать, какой сегодня день и чем мы занимались до того, как очутились здесь: работу, намеченные планы и другую суету, которая до этого казалась нам важной.

Мы были брошены в такой длинный и мрачный тоннель, что выбраться из него не представлялось возможным.

Сначала она медленно умирала, затем словно вернулась к жизни, а потом вновь умирала. Постепенно мы поняли, что единственный выход – создать для нее мир за пределами инкубатора. Бесконечными ночами мы пели ей песни о солнце и читали книги, в которых дети умеют летать. Мы рассказывали, как боролись за ее появление в нашей семье, делились с ней моментами, которые угнетали нас и чуть было не сломили. Мы говорили о трудностях и неудачах, связанных с ее рождением.

Нам казалось, что, заинтересовавшись продолжением истории, она останется с нами хотя бы до рассвета.

Часть 1

Создание

*Когда я была маленькая, я спросила у мамы, как получить ребенка.
Она ответила: «Ну, во-первых, тебе нужно его захотеть».*

Келли: никто не может запретить вам спасти чью-либо жизнь

Выпавших из гнезда птенцов не всегда нужно спасать

Я знала об этом, но тем не менее. Когда мне было четырнадцать, подружка отдала мне птенца, которого нашла среди хвой на флоридском пастбище для лошадей, где мы проводили дни напролет.

Его голубоватое тело, напоминавшее пучок веток, было пронизано венами и покрыто пухом, круглая голова раскачивалась на стебельке шеи, а слепые глаза были сомкнуты. Его клювик был раскрыт, будто умолял о помощи.

Птенец был необычным и загадочным. Я защищала от отцовской лопаты новорожденных крысят, лежащих в компостной яме на нашем заднем дворе, и молилась за здоровье семьи енотов, живущих на чердаке. Я растила в гараже бездомных котят, в гостиной – щенков, на заднем крыльце – кроликов. Поэтому, когда мама забирала меня в тот день, я залезла в ее старый «Форд Фалкон» со старой обувной коробкой в руках, полагая, что возражать она не будет. У моих родителей было множество недостатков, но они никогда не ограничивали мою свободу исследовать окружающий мир.

Я заканчивала первый год обучения в старших классах, была неуклюжей и часто оставалась в одиночестве. Что я нашла в этом птенце? В нем не было ничего особенного, но ощущение трепещущего в руках сердца заставило меня принести его в гостиную и устроить в старом треснутом аквариуме, обнаруженном в гараже. Я тщетно пыталась сделать его среду обитания как можно более естественной и даже положила на дно пару веточек магнолии.

Возможно, кому-то интересно, в чем был смысл всего этого. Даже если бы я спасла его, он не смог бы жить ни у нас в доме, подобно попугаю, ни в дикой природе. Однако все эти проблемы казались мне слишком далекими. Я размачивала в воде корм для куриц и кормила его из шприца каждые два часа. Пища проскальзывала ему в глотку с приятным булькающим звуком.

Я ощущала разницу между цивилизованным миром и дикой природой.

Была ли я сама цивилизована, если постоянно врзалась в невидимые границы, познавая мир? Я чувствовала себя беспомощной в школьных коридорах: из-за своих слишком крупных зубов, непослушных волос и отца, который отрубил голову крысятам из компостной ямы, застрелил енотов с чердака из «Ремингтона» двенадцатого калибра, продал щенков, раздал кроликов и утопил котят в пруду.

Крошечная жизнь этого птенца, что бы из него в итоге ни выросло, была в моих руках. Я решила защищать его настолько долго, насколько это возможно. На следующий день глазки птенца раскрылись. Первым, что он увидел, была я, наблюдавшая за ним через стекло.

Птенец подрастал быстро. Он оперился и постепенно превратился в яркую чирикающую голубую сойку. Он жил в моей спальне, подальше от основной жилой части дома. В качестве насеста он выбрал потолочный вентилятор, и я каждый день стелила на пол газету «Сент-Питерсберг таймс», чтобы на нее падали испражнения. Каждое утро он садился на мой подбородок и стучал клювом по носу. Вставай. Вставай. Вставай. Он пил колу с ободка жестяной банки, клевал семена и остатки моего ужина, который я часто съедала в своей комнате в одиночестве. Ему нравилось садиться мне на плечо или голову, цепляясь своими динозаврообразными лапками. Иногда он катался на спине нашего мопса Ринклса, который ни психически, ни физически был не в силах сопротивляться. Я выпускала его на улицу, но он всегда возвра-

щался на мое плечо. Я надеялась, что незнакомцы, увидев нас, решат, что я обладаю магической силой. Мне и правда так казалось.

В конце концов мама сказала, что мне нужно его отпустить. Он часто настигал меня по дороге в школу или обратно. Через несколько недель, однажды вернувшись домой, я обнаружила его мертвым на заднем крыльце. Мне кажется, я сломала его жизнь, его сущность, сама о том не подозревая. Ему было некуда лететь, негде приземлиться.

Я выросла. У меня были собаки и лошади. От меня пахло сеном и грязью. Я воображала, что однажды у меня будет ферма, где будет место для всех диких и брошенных животных. И что у меня обязательно будет дочь, хотя я никогда не нянчила детей и не играла в куклы.

Она, смелая и бойкая, будет ходить с котенком под мышкой. Она будет лазать по деревьям и петь песни.

Я никогда не забуду, что значит быть ребенком и любить все живое.

Я никогда не забуду, что значит бояться; бояться заводить друзей, танцевать на публике, раздеваться на пляже, болтать в классе, приводить в дом мальчика. Я буду защищать ее дикость. Она непременно принесет в дом бездомного кота, кролика или птенца. Я покажу ей, как ухаживать за ним, и скажу, когда и как его нужно отпустить на волю.

Это была уверенность, а не просто желание. Когда я была маленькая, я спросила у мамы, как получить ребенка. Она ответила: «Ну, во-первых, тебе нужно его захотеть».

Она не сказала ничего больше, поэтому я решила, что желание в этом вопросе – основное и единственное условие.

Только желание имело значение.

Когда родилась наша дочь (долгое время все шло не по плану, уверенность сменилась сильнейшим желанием, а желание победило все трудности), она выглядела точно так же, как тот птенец. Она была узловатой, словно бумажной, прозрачной и слепой. Я прекрасно понимала, что не всех выпавших из гнезда живых существ нужно спасать, однако никто не мог нам этого запретить. Кто в той ситуации был более беспомощным: мы или она? Ее беззубый ротик молил о помощи. Мы смотрели на нее через окно в пластиковом боксе.

Чтобы понять, насколько нереальным было ее появление на свет и сколько преград мешало ее первому вдоху, мы должны вернуться в то лето, когда я вырастила голубую сойку. Это было лето, когда я впервые встретила Тома, сыгравшего яркую эпизодическую роль в моей юности. На протяжении всех последующих лет я задумывалась об абсурдности всего произошедшего.

Том был одним из спикеров в журналистском лагере для старшеклассников, который я посещала. Ему было чуть за тридцать, и он был преуспевающим репортером, женатым и с двумя детьми. Я читала «Сент-Питерсберг таймс» с пятого класса. Мне нравилось озорство, с которым он писал о школьной администрации, подвергающей цензуре статьи журналистов-старшеклассников. Мне нравились сострадание и пылкость, с которыми он написал целую серию статей об убийстве женщины в Галфпорте. Его тексты были смелыми и увлекательными, как романы. Я с замиранием сердца читала подпись под каждым из них: Томас Френч.

В тот день на нем была фиолетовая рубашка и черно-белые полосатые шнурки. Стильные очки закрывали пол-лица, темные волосы, уже тронутые сединой, ниспадали на лоб. Он был милым, но производил впечатление «ботаника», что внушало мне некоторую уверенность. У меня была очень низкая самооценка, и, хотя мои литературные работы часто хвалили, я понимала, что они просто не хотят меня расстраивать. Том тоже не чувствовал себя вполне уверенно: пил диетическую колу, постоянно поглядывал в окно и поправлял волосы. Его нервозность позволяла мне поверить, что работа, которую он выполняет, под силу и мне.

Он призывал нас обходить стороной сухие заголовки и предложения со страдательным залогом и вместо этого пытаться вывести на поверхность реальную историю, советовал нам

уводить читателя в «тайный сад», будь то помещение для персонала маникюрного салона, угол школьной учительской или любое другое место, в котором заключаются тайные соглашения и передается власть. Реальные истории нельзя найти в пресс-релизах. Их не оглашают, но они произрастают вокруг нас и ждут, когда мы их сорвем. Он говорил, что наши интересы не тривиальны.

То, что нас интересует, имеет значение.
Мы имеем значение.

В тот день я написала о нем. В абзаце, называемом журналистами «орехом», где формулируется суть дела, я написала: «Он ничего не делает наполовину».

Я не влюбилась, не разрушила его брак и не украла его детей. Это было бы абсурдом и преступлением. Но я изменилась. Открылась. Я стала замечать красоту в деталях, возвышенное в обыденном. Его уроки остались со мной и стали частью меня.

Я окончила школу, пошла в колледж и каждое лето стажировалась в «Сент-Питерсберг таймс». Несколько раз я влюблялась.

Первым был Рик. Я любила его, как наркотик. Однако через три года я оставила его, поняв, что у него никогда не будет детей. Ведь мне было всего двадцать два, и моя маленькая дикая девочка уже существовала для меня. Следующим был Билл – талантливый и душевный профессор журналистики. Я рассталась с ним, когда переехала в южную Флориду, чтобы преподавать. За ним последовал привлекательный и легкий в общении персональный тренер, которого я променяла на магистратуру и целую серию похожих друг на друга интеллектуалов из округа Колумбия. С одним я рассталась, потому что он был слишком худым, а с другим – потому что он был чересчур потливым.

Когда я снова встретила Тома, мне было двадцать восемь.

Я успела возненавидеть свидания, бары и двадцатилетних мужчин.

В то время я оканчивала магистратуру в Мериленде и пыталась найти постоянную работу в «Сент-Пит таймс». Тому было чуть за сорок. Он уже получил Пулитцеровскую премию, развелся и снял очки. Его лицо осунулось, волосы практически полностью поседел, а сыновья теперь учились в начальной школе. У Тома была постоянная «девушка», старше его. Он называл ее «милая женщина».

Мы встретились за ужином, когда я прилетела во Флориду на собеседование. Это не было свиданием, но мы так легко нашли общий язык, что наш ужин очень быстро стал на него похож. Том не переставая говорил, как сильно он хотел дочь. Пока я пыталась подцепить вилкой кусочки трески, мои яичники делали сальто. Том был все таким же открытым. Он пек печенье, помогал детям в школе и шил для сыновей костюмы на Хэллоуин. Он не боялся говорить о трудностях. Он был полной противоположностью всех мужчин, которых я знала. Ужин продолжался четыре с половиной часа.

В электронном письме своей подруге Люсии я написала: «Я выйду за него замуж, и точка».

Он обнял меня на прощание, и я все еще ощущаю его запах.

Сумасшедшая химия между нами была для меня удивительна. Он слишком взрослый, слишком низкий, слишком разведенный. Не пара для меня во всех отношениях. Том не любил животных, грязь, овощи, спорт, незнакомую еду, ремонт и свежий воздух. Он был эмоциональным и чрезмерно чувствительным. Он слишком много говорил. И у него была женщина.

Тем летом Том приехал в Балтимор, чтобы преподавать в колледже. Я пришла на его лекцию, в которой он сравнивал писателя с Моне. Он говорил, что как художник наблюдал за переменами в облике Руанского собора при перемещении солнца, так и писатель, принимая во

внимание естественную последовательность событий, придает своему произведению форму и наделяет его силой. Мне казалось, рядом с Томом я купаюсь в другом свете.

На следующий день еще до того, как выйти из отеля и пойти поужинать, он вовлек меня в пугающий разговор о нашей очевидной взаимной симпатии, называя при этом свою подругу по имени. «Я неплохой парень, – сказал Том, – но я тоже человек, и я не женат». *Заткнись*, кричал мой мозг. «Поэтому мне нужно принять решение и, – *господи, неужели он до сих пор говорит?* – и я хочу, чтобы ты уважала...»

Я поцеловала его, чтобы заставить замолчать и забыть обо всех предыдущих или настоящих конкурирующих со мной женщинах, а также его сути, которая боялась начать все сначала. Я поцеловала его, словно говоря: «*Если ты никогда этого не сделаешь, то будешь жалеть весь остаток своей долгой статичной жизни*».

«Почему я?» – спросил он через несколько часов. Его рубашка была смята, а волосы растрепаны. Ничто не помогало ему побороть неуверенность в себе. Он, несомненно, был пьян от любви, но растерян.

Я продумала свой ответ. Он интересовался миром, его историей, богатством, его силами и противодействующими силами. Казалось, что вся сумасшедшая красота земного шара отражалась в нем, а когда я была рядом, и во мне.

Как-то днем я ехала на машине домой и поняла, что мне срочно нужно в туалет. Уверенная в том, что найду внутри чистую уборную, припарковалась у Вашингтонского кафедрального собора. Я прошла по зданию – величие этого памятника не входит в границы понимания человека. Свет полуденного солнца струился сквозь витражные окна. Начиналась служба, и я решила остаться.

Религиозной я себя не считала, но была влюблена, а любовь для меня подобна вере.

Я поставила свечку, подумав о том, как мир вращается вокруг Тома, наполняя его природными силами. Я надеялась, что внутри у него что-то екает.

Через несколько месяцев я переехала во Флориду и начала работать. Том звонил ночами. Я ждала этих звонков.

«Ты похожа на огромный неизведанный континент, – однажды сказал он, – и я мог бы бродить по нему вечно».

Он уделял мне внимание, слушал, помнил, что я ему говорила, и старался обдумывать мои слова. С ним я стала лучше понимать себя. Все, что имело для меня значение: любовь, литература, воспитание детей, – он пылко со мной обсуждал. Том был лучшим из тех, кого я знала.

«Письмо – это концентрированная форма внимания, – говорил он мне. – То же самое касается пения, поцелуев и молитв».

Он утверждал, что любит меня, и сказал, что расстанется со своей подругой, но не сделал этого. Он не хотел причинять ей боль. Ему нужно было время, чтобы «все осознать».

«Я слишком много думаю», – говорил он мне.

«Я не могу разорваться».

«Я решил дать себе немного времени».

Недели сменялись месяцами, а месяцы – годами. Я писала о нападении петуха, о гонках на мусоровозах и о мужчине, который двадцать шесть лет провел в камере смертников. Меня дважды повышали, и я получила работу своей мечты. Мой новый босс Майк Уилсон, один из ближайших друзей Тома, вскоре стал и моим другом. Из маленького кабинета с окном я наблюдала за Томом.

Я купила дом с четырьмя спальнями и разделила его с бойким и эмоциональным веймаранером по кличке Хаклберри. Дом был слишком большим и оттого пустым, и я чувствовала себя еще более одинокой.

Все свободное время я проводила, обустривая свое гнездышко: счищала краску, ставила забор, выращивала стрелицию. Я заменила дверные ручки, петли, наружную облицовку, плинтусы, люстры, вентиляторы, повесила качели на ветку большого живого дуба.

Я выкармливала щенков, помогая местной организации по защите животных. То, что однажды побудило меня попытаться спасти голубую сойку, вышло наружу. На сегодняшний день я вырастила сотни щенков для четырех разных приютов из трех городов. Моя мама, жившая неподалеку, кормила их из бутылочек, разговаривала с ними и качала на руках, как пушистых внуков.

Я уже знала, на каком дереве устрою шалаш.

Том появлялся в моей жизни и исчезал. Он купил тесный блочный дом, который я терпеть не могла. Мне казалось, что это явный знак нашей несовместимости. Пока Том колебался, я встречалась с другими хорошими мужчинами, которые были свободны, уверены в себе, привлекательны, любили собак и хотели детей. Однако в итоге я переставала отвечать на их звонки.

Рик, мой первый парень, однажды сказал мне прямо: «Знаешь, за кого ты должна выйти замуж? За Тома Френча».

«Ага, – ответила я, – этот парень – настоящая катастрофа».

Тем не менее я желала только Тома. Я просто не могла заставить себя желать кого-то другого. Я отказывалась верить в то, что его напуганная и растерянная сущность, которая открылась мне, реальна. Внутри скорлупы был парень, который не просто любил Спрингстина¹, а семьдесят раз ходил на его концерты, всегда стоял в первом ряду и громко подпевал. Он не мог просто сочинить рассказ, ему нужно было потратить пять лет на роман из девяти частей. В действительно важные вещи он вкладывал все свои силы. *Он ничего не делает наполовину.* Даже в пятнадцать лет я это знала.

Я упрямо верила, как и многие другие женщины, что помогу Тому открыть его лучшие качества. Я хотела вытащить наружу человека, которым он мог бы быть, не сбей меня с толку его возраст и развод. Мне хотелось, чтобы мои дети общались со мной так же, как с Томом его сыновья, чтобы мои дети тоже любили Шекспира и «Южный парк». Мне хотелось видеть, как растут Нэт и Сэм. Они были одними из лучших людей, кого я знала: щедрыми, веселыми и забавными.

Том имел недостатки, но они были идеальны.

И в этом его заслуга.

Я видела, как Том пел с сыновьями, когда загружал посудомоечную машину тарелками, не ополоснув их. Он не обращал внимания на недоскошенные участки газона. Он скупил билеты на первые три ряда, когда его дети играли в «Уринтауне»². Они спорили по поводу сюжета «Звездного крейсера „Галактика“». На кухне всегда пахло беконом, а ноги прилипали к полу. Все это слилось в большой беспорядок, который и был моей жизнью.

Однажды вечером после работы я, не думая, свернула в его район. Улица была круговой, и я бродила по ней какое-то время, пока вдруг не очутилась у знакомого дома. Был декабрь, занавески были подняты, и из окон струился теплый свет. Нэт и Сэм сидели за обеденным столом, а Том и его девушка устраивались рядом с ними.

Чего ты ожидала? Это не твоя семья.

¹ Брюс Спрингстин – американский рок- и фолк-музыкант и автор песен.

² «Уринтаун» – бродвейский мюзикл.

Создай свою семью, черт возьми.

Я ненавидела себя. Я потеряла так много времени. То Рождество я провела с родителями. Мама с утра работала, и когда я проснулась, дом был пустым.

Внезапно Том охладел к идее иметь еще детей. У него на это был миллион причин, ни одна из которых не была веской. Сначала я не обращала на это внимания, веря, что все изменится, но Том прятался от меня за невидимым щитом.

Он составлял для меня музыкальные плей-листы, как мне казалось, полные обещаний, и я подпевала этим песням, ища в них смысл. Однако через какое-то время я поняла, что эти песни предназначались и другим женщинам. Он часами разговаривал по телефону неизвестно с кем. Я все время спрашивала, что это за женщина, и он всегда лгал.

«Послушай, – сказал Рик, – скажи этому козлу, что умолять его ты не будешь».

Психолог посоветовал мне обратиться в банк спермы и родить ребенка самостоятельно. Теперь это уже не казалось мне таким безумным.

Том всегда быстро засыпал, повернувшись ко мне спиной. Я часто не могла уснуть и поэтому просто слушала, как он дышит. Я медленно выводила пальцем на его спине слова, которые не могла сказать.

Я-Т-Е-Б-Я-Л-Ю-Б-Л-Ю

Мерзавец.

Том: желание побеждает страх и трудности

Поначалу я виделся с Келли тайно, по ночам. Моя официальная девушка жила в часе езды к северу от Тампы, и мне было легко ускользать на свидания. Это была добрая и верная женщина, готовая ради меня на все. Поздно вечером я звонил ей и рассказывал о своем дне, а она рассказывала мне о своем. Затем я говорил, как люблю ее, ощущая горький привкус этих слов на языке.

Келли жила на другом конце округа, и времени на размышления у меня было предостаточно. Обычно я дожидался, когда окажусь на Бэйсайд Бридж над заливом Тампа, а затем звонил ей и говорил, что уже в пути.

- Где ты сейчас? – спрашивала она.
- Примерно в пятнадцати минутах езды.
- А если я скажу тебе «нет»?

Мчась по трассе, я понимал, что совершаю грех, но отрешался от этой мысли, не будучи готовым испытать чувство стыда.

В этот момент я смотрел на пролетающих мимо пеликанов, то выходящих из тени, то исчезающих в ней, на дорогу и черную воду, простирающуюся по обеим сторонам от меня. Она не собиралась меня останавливать, и мы оба это знали. Я слышал в голосе Келли злость и ужасную тоску. Она была выше всей этой ситуации, и я не понимал, почему мне это не удается. Тем не менее я чувствовал, что мое упорство ей нравится. Келли хотела, чтобы я завоевал ее, и надеялась, что я предложу ей кольцо, дом и ребенка. В этом и была проблема. Я носил кольцо много горьких лет. Всем хорошим, что вышло из нашего брака, были Нэт и Сэм. Они быстро выросли и вскоре должны были пойти в колледж. Я не видел смысла начинать все сначала.

Сидя за рулем своего внедорожника, я делал музыку погромче, чтобы отключить мозг. Меня тянуло к красивым песням об одиночестве. Спрингстин и песня The Rolling Stones «Moonlight Mile» тихо растворялись в черной ночи из «Stolen Car» Стинга. Чаще всего я слушал альбом Бет Ортон «Daybreaker»: меня трогала печаль в ее голосе и слова о том, что кто-то зашел слишком далеко и никогда уже не будет прежним. Сколько вреда я причинял, особенно себе? Несмотря на мое настороженное отношение к браку, я жаждал простых клятв. Одиночество довело меня до отчаяния.

Мне легче жилось по четко определенным правилам, следуя руководству, написанному Богом.

Хотя я давно уже отошел от своего католического воспитания, монахи до сих пор жили у меня в голове.

К этому моменту я уже успевал проехать мост и повернуть на Сансет Пойнт Роуд, мчась на запад мимо темных такерий (место, где продают бурито и тако) и витрин оружейных магазинов. На парковках круглосуточных магазинов толпились подростки, озаренные неоновым светом рекламы «Будвайзера». На полпути отсюда был маленький торговый центр под названием «Время», на передней стене которого висели большие остановившиеся часы. Каждый раз, проезжая мимо, я задерживал дыхание и задумывался, можно ли умереть и не заметить этого.

Прямо перед поворотом на улицу Келли был светофор с мигающим желтым светом. Заметив его издали, я включил последнюю песню из альбома «Daybreaker», «Thinking About Tomorrow». Я стал подпевать Ортон на том моменте, где она прощалась со своим возлюбленным, хотя была просто создана для него. Это была наша с Келли песня. Но она еще не знала об этом.

Келли всегда ждала моего приезда, и образ ее материализовывался в свете фар перед большой стеклянной входной дверью. Ее длинные темные волосы мягко лежали на плечах. Никто из нас не нарушал молчания. Я никогда не забуду, как она бросалась в мои объятия.

Я говорил предельно мало и никогда не объяснялся. Эти ночные свидания не были просто похотью, в этом я был уверен. Меня никогда не привлекали легкие интрижки. Я вновь и вновь повторял Келли, как люблю ее, не имея на это никакого права, и снова ощущал горький привкус этих слов, хоть это и была правда.

Я просыпался посреди ночи и чувствовал, как она дышит. Мне хотелось остаться навсегда и хотелось тотчас же уйти. Пес Хак знал, что мне нельзя доверять. Когда я вставал и шел в ванную, он просыпался и провожал меня своими желтыми глазами. Иногда даже рычал. Однажды он преградил мне путь. Еще до того как я понял, что происходит, он слегка прикусил низ футболки – единственного, что на мне было надето, – задев и промежность, тем самым обездвигив меня, а через пару секунд отпустил.

Когда тем же утром я рассказал Келли о произошедшем, она рассмеялась.

– Хак тебя не укусил, – сказала она. – Если бы он хотел это сделать, то сделал бы.

А затем она пристально посмотрела на меня, уже без улыбки.

– Кроме того, ты это заслужил.

Она всегда выкладывала правду без прикрас. Когда я показывал ей наброски своих статей в газете, она никогда не ободряла меня, говоря: «Я вижу направление твоих мыслей». Вместо этого она отрезала: «Эм, это слишком затянуто. Ты опять чересчур многословен».

Казалось, что в Келли нет ничего особенного, ведь о себе она почти не распространялась. Ей не было никакого дела до саморекламы. Однако в своей голове я вел список ее тихих добрых дел. Она работала волонтером в начальной школе и была наставником пятиклассницы и даже стала донором костного мозга, просто потому что в больнице была его нехватка. Разумеется, мне было известно о ее работе с бездомными собаками и о том, как она выкрала голодающего добермана из наркопритона. Она приводила беременных собак в свою гостиную и принимала роды. Однажды ночью Келли помогла немецкой овчарке родить десятирех щенков, но поняв, что на свет появились не все, собственноручно вытаскивала еще четверых щенков, сделала им искусственное дыхание изо рта в нос и вернула их к жизни.

Келли всегда спасала попавших в беду живых существ, особенно питбулей. С сильными животными она чувствовала родство. Она часто говорила о том, как сильно ей хочется прикоснуться к тигру. В то время я писал о зоопарке в Тампе и наблюдал за работниками, ухаживающими за двумя суматранскими тиграми. Келли просила устроить ей встречу с ними. Она надеялась погладить одного из них.

– Тигра? – переспросил я, полагая, что она шутит. – Тебе повезет, если он не откусит тебе руку.

– Я буду осторожна. Я бы просто секундочку погладила его.

Она была головоломкой, разгадать которую я никогда бы не смог.

Казалось, она не нуждалась ни в чем, кроме того что я не в состоянии был дать ей. Она не любила разговаривать. Иногда, задав ей вопрос, я пятнадцать минут ждал ответа чаще всего в виде предельно лаконичного утверждения. Таинственная и независимая, она отказывалась раскрываться до тех пор, пока сама не была к этому готова. Я ушел от разговора только один раз, когда поздно ночью Келли спросила, когда вся эта игра в прятки закончится.

«Понимаешь, тебе не нужно разбираться со всем этим в одиночку, – сказала она. – Я бы хотела, чтобы ты позволил мне сделать это вместе с тобой».

Это отрезвило меня и подчеркнуло различия между нами. Келли желала контакта с хищником, а я боялся животных, особенно собак, что было связано с неприятным инцидентом, произошедшим в детстве, когда я работал разносчиком газет. Келли с легкостью занималась

домом: она вечно чинила двери и полки с помощью целого арсенала инструментов. Я же вряд ли смог бы вбить гвоздь. Дед Келли дал пощечину ее бабушке за то, что та проголосовала за демократа. Мой дед как-то признался, что голосовал за республиканца. Наш стиль письма тоже был абсолютно разным. Мои работы переполнены деталями, в то время как работы Келли настолько лаконичны, что читателю приходилось самому додумывать подробности. В своих статьях, как и в жизни, она оставалась неприступной.

Келли было тридцать, и она только начинала жить. Мне было сорок шесть, и я до сих пор приходил в себя после развала первого брака. Я не мог понять, почему Келли с таким жаром настаивает на том, что мы созданы друг для друга. Ее вера в меня во многом была основана на моем умении быть отцом.

«Я видела результат твоей работы, – сказала она мне. – Я знаю, на что ты способен». Не было никаких сомнений в том, что я подготовлен к отцовству.

Будучи старшим из пяти детей в семье, я тренировался быть папой с детства.

Даже когда я был ребенком, я представлял, как вырасту и буду держать на руках маленькую девочку.

Когда моя бывшая жена родила нашего первенца, я был настолько уверен в том, что это будет девочка, что не мог поверить своим глазам, когда медсестра подала мне красного и извивающегося младенца. «Что за ерунда у моей дочери между ног?» – подумал я.

Когда Нэт и Сэм были совсем маленькими, я танцевал с ними, положив их на плечо, пока они не заснут. После развода мы с мальчиками стали ближе. У них была неразрывная связь с матерью, но теперь я один мог распоряжаться нашим временем. Я будил их песнями из «Волшебника страны Оз» и учил готовить на нашей маленькой кухне. Иногда котлеты разваливались еще до того, как мы успевали положить их на булочки, а омлеты обычно получались слишком жидкими или горелыми, но все это не имело никакого значения.

Нэт и Сэм были еще в садике, когда я разучил с ними тексты песен «Thunder Road» и «Badlands». Я научил их выть, как Уилсон Пикетт, и ухать, как «Битлз». Особенно напряженно мы работали над визгом Маккартни, который звучит во время того, как Леннон поет второй куплет песни «Bad Boy». Внутри этого сиплого крика заключен целый мир, и мне было важно, чтобы мои мальчики это понимали. Я хотел, чтобы они были жесткими и сильными и знали, что они никогда не будут одиноки.

Наши дни и ночи были наполнены историями. Дожливыми субботними днями я снова и снова показывал им «Звездные войны». Раскачиваясь на качелях на детской площадке, мы воображали себя пилотами звездного истребителя Т-65 Х-крыла, атакующими Звезду Смерти. Когда мальчики подросли, они стали одержимы Гарри Поттером. В то время первые книги этой серии только появились, и, когда выходила очередная часть, они просили меня купить сразу две книги, чтобы иметь возможность читать одновременно. С одиннадцати лет они регулярно проверяли электронную почту, надеясь получить приглашение в Хогвартс.

Я не знаю, что Келли привлекало во мне, помимо моих отцовских навыков. Я не был так же умен, как она, и писал не так хорошо. Я не был столь же очаровательным, умным и талантливым, как другие ее мужчины. Самое интересное, что я мог – сводить Келли на фильм, а затем составить карту-историю по его мотивам, зарисовав ее на салфетке из греческого ресторана. «Мы можем просто поесть?» – говорила она нетерпеливо.

Что-то внутри меня надломилось. Я боялся, что могу лишь скользить по поверхности, но не способен при этом углубиться в то, что действительно имело значение, или хотя бы распознать это.

Утром в ванной я едва узнавал мужчину, который смотрел на меня из зеркала. Вокруг глаз простирались морщины, а на лице застыло выражение замешательства, характерное для человека, беспрестанно играющего в прятки.

Мне казалось, что я и не человек вовсе, а только подобие человека. Подделка.

«Понимаешь, нет необходимости притворяться, – говорила Келли. – Мне не нужно, чтобы ты был идеальным. Я просто хочу, чтобы ты был самым собой».

Что я мог ей ответить? Я даже не знал, как вывести на поверхность себя настоящего. Я сомневался, что кому-то из нас он понравится, кем бы он ни оказался.

В декабре, через два с половиной года от начала отношений с Келли, я расстался со своей девушкой. Келли мне не доверяла, и у нее были на то причины.

На протяжении следующих шести месяцев мы постепенно становились парой. Вместе сгребали листья во дворе, гуляли с Хаком, покупали ребрышки-барбекю в фургоне напротив круглосуточного магазина. Я играл ей «Born to Run» и иногда замечал, как она напевает ее в машине, отвернувшись от меня, стесняясь своего голоса. Когда по выходным с нами были Нэт и Сэм, она смеялась над тем, как они подкалывают меня, и вместе с ними убеждала меня купить им трамплин, хотя я и опасался поездок в травмпункт.

Мы вчетвером уже раздумывали, что будем делать на Хэллоуин. Нэт и Сэм планировали устроить вечеринку, а Келли подбрасывала им идеи. Она подарила мне фигурку горгульи в виде крылатой собаки на цепи. Согласно описанию на упаковке, это был «Хранитель надежд и мечтаний». У меня было несколько скелетов натуральной величины и две мумии, которые я каждый год ставил у входной двери. Они держали в руках свечи, бросавшие тени на их серые лица.

Келли пошла дальше и заказала скелет собаки из каталога товаров для ветеринаров.

С мальчиками она вела себя естественно, не стараясь добиться их любви, и с легкостью стала частью их жизни.

Однако я все сильнее убеждался в том, что слишком стар для жизни, о которой она мечтала. Я представлял, как мы поженимся, а потом она забеременеет и сразу же меня бросит. Ребенок останется с ней, а я на пороге пенсии буду вынужден платить алименты. Я с ужасом представлял, как, придя посмотреть игру школьной футбольной команды, буду плестись вдоль боковой линии поля, опираясь на трость, как новый молодой муж Келли будет хватать ее за задницу на какой-нибудь репетиции школьников-скрипачей. Я боялся, что появлюсь на университетском выпускном своей дочери в инвалидной коляске и буду слабо махать ей рукой, испещренной фиолетовыми венами. В конце концов я окажусь в доме престарелых, а наша дочь будет ныть каждый раз, когда мать напомнит ей, что меня пора навестить.

– Мам, но у него слюни текут.

– Знаю, дорогая. Но он все равно тебя любит.

Я боялся, что умру от сердечного приступа и не увижу, как будет взрослеть наш ребенок. Сколько бы лет мне ни оставалось, я не видел себя в качестве мужа Келли. Я не хотел, чтобы в доме были питбули. Я не представлял, как буду менять подгузники, катать коляску по аэропорту и засовывать термометр в детскую попку в пять утра. Мне хотелось отправиться со Спрингстином в тур по Европе или плескаться в чистых голубых водах, окружающих какой-нибудь греческий остров.

Дождавшись ночи, когда Нэт и Сэм были у своей матери, я сказал Келли, что нам нужно поговорить. Она услышала то, что ожидала, и приказала мне заткнуться.

«Это не ты бросаешь меня, а я тебя», – сказала Келли, утомленно улыбнувшись, как человек, много раз репетировавший свою речь.

Она сказала мне, что я изменщик, лжец и жалкое подобие мужчины. Будто в замедленной съемке она встала и направилась к двери. В комнате не осталось практически ничего из ее вещей. Зная, что этот день приближается, Келли неделями перевозила свою одежду, освобождая дом от следов своего присутствия. Я был слишком погружен в себя, чтобы это заметить.

Когда она ушла, я вновь задержал дыхание, как в полночь, проезжая мимо остановившихся часов.

Только теперь я по-настоящему умер.

Ураган «Катрина» настиг Новый Орлеан в следующий понедельник, и выпуски новостей переполнили видеоролики с трупами, плавающими на поверхности грязной воды.

Я зашел в отдел новостей и уставился в монитор своего компьютера. Стол Келли пустовал на протяжении следующих двух недель, пока она не объявилась, охваченная тихой яростью. Когда мы встретились у лифта, она прошла мимо, словно не заметив меня.

«Серьезно, – сказал я. – Ты этого хочешь?»

Горечь от расставания не исчезала неделями. Нуждаясь в совете, я обратился к Майку Уилсону, нашему редактору и общему другу. Майк терпеливо слушал меня, пока я просил его помирить нас. Он сказал, что, хоть ему и очень жаль, он ничего не может сделать. Выхода не было. Из другого конца кабинета я наблюдал, как Келли похорошела и излучала ауру ликующего пренебрежения ко мне. Она улыбалась и смеялась с женщинами-коллегами, которых я считал своими друзьями, но теперь они избегали встречаться со мной взглядами.

Я решил отвлечь себя походом в торговый центр. Был конец сентября. Нэт и Сэм все еще с нетерпением ждали нашей вечеринки, поэтому я не мог ее отменить. Войдя в магазин, я увидел недавно оформленную к Хэллоуину витрину. Рассматривая горгулий и восхищаясь их огрызающимися лицами, я вдруг вспомнил о собаке на цепи, которую мне подарила Келли. Хранителя надежд и мечтаний. Так его звали, черт побери.

Не знаю, сколько я так простоял, но вдруг все осознал, сам того не ожидая.

Меня словно что-то ударило, когда я вспомнил о дочери, о которой мечтал с детства. Разве не в этом заключалась главная причина, по которой меня так тянуло к Келли? Разве во время нашего первого ужина, задолго до начала наших полуночных свиданий, я не говорил ей, как сильно хочу держать на руках свою дочь?

Приехав домой, я плакал и разговаривал сам с собой, вышагивая по комнате, не находя себе места.

Я разыскал психотерапевта, который помог мне пережить развод. За несколько недель многочисленных сеансов она помогла мне осознать все ошибки. Я сказал ей, чего хотел на самом деле, и она спросила, уверен ли я в этом.

Как-то вечером, сидя в гостиной, я открыл свой ноутбук.

Духи уже стояли перед большим окном первого этажа.

Они, как часовые, были у меня за спиной и слушали, как мои пальцы бегают по клавиатуре.

Я писал несколько часов, удаляя все и начиная заново, пытаюсь подобрать слова, которые доказали бы ей, что я настроен серьезно.

В 02:44 я нажал «отправить».

Келли: последствия урагана страшны, но поправимы

Воды залива были спокойными, по-ноябрьски холодными и настолько бледными, что сливались с небом на горизонте.

Я выросла на этом заливе, хлюпая ногами по песчаному дну, но никогда не заходя глубже, чем по шею. Я глотала воду, пытаясь доплыть на животе до берега. Я забрасывала рыболовный крючок в мрачную водную гладь, сидя в лодке. Я восхищалась заливом, только находясь на расстоянии, в безопасности, как люди восхищаются животными в зоопарке или произведениями искусства в музее.

Теперь я стояла на скользкой палубе «Анастасии», четырнадцатиметровой лодки, реликвии прошлого, которую сняли с якоря у берега Тарпон Спрингс во Флориде. Я готовила репортаж об одном из опасных занятий. На работе мне приходилось забывать о том, кто я есть на самом деле. Прошло почти три месяца с нашего разрыва и месяц с того момента, когда я получила электронное письмо от Тома. Я плыла по течению. Я смотрела с палубы во всех направлениях и не видела ничего, кроме воды и неба.

«Русалка!» – позвал меня Тассо.

Он был загорелым и сильным, как бык. Если бы я искала героя, который смог бы отвлечь меня от проблем, он бы легко справился с его ролью. Тассо был одним из последних греческих ловцов губок на дне океана, зарабатывавших этим на жизнь. Ему довелось выколоть морскому окуню глаз и ударить акулу по носу.

Тассо считал, что по-настоящему узнать океан можно, лишь погрузившись в него и подчинившись ему.

Он хотел, чтобы я спустилась с ним на глубину. Красный прилив отравлял океан ³. Тассо хотел посмотреть, осталась ли в воде жизнь. Я еще не ответила на его предложение, но мне тоже хотелось попытаться кого-нибудь спасти.

Я была создана для океана не более, чем жираф, и понятия не имела, как плавать под водой. Тассо натянул маску мне на лицо и зацепил мои пальцы за свой ремень. «Просто держись, русалочка», – сказал он.

И мы нырнули.

Я, беспомощная, словно очутилась в другой реальности. Так много воды надо мной и так мало пространства за пластиковой маской. Мое дыхание стало частым и громким, но вскоре суета утихла, и я увидела белый песок, раскачивающихся инопланетных губок, быстрых сверкающих рыб и Тассо, который двигался против течения, словно ничто не в силах было его остановить и он мог заставить воду расступиться перед ним. Я же была подобна ламинарии, уцепившейся за него.

Я была водой. Я была воздухом. Я полагалась на милость волн и солнца, и, о боже, там было так красиво.

Я провела на лодке с Тассо четыре дня.

Когда утром вставало солнце, я пила греческий чай с медом, пока Тассо брился с помощью лезвия и соленой воды. Он целыми днями плавал под водой, а когда вечером расстегивал водолазный костюм, на палубу дождем сыпались клешни крабов. Ночами на судне меня обдувал соленый бриз. Конечно, я думала о Томе и скучала по нему. Мне хотелось сказать, что с меня достаточно, и растаять в его объятиях, но у меня не было ни телефона, ни компьютера, ни Интернета. Я давно поняла, что не смогу его изменить, и смирилась с этим.

³ Красный прилив – общепринятое название частного случая цветения воды, вызванного вспышкой численности морского фитопланктона.

Мне потребовалось несколько дней, чтобы ответить на его электронное письмо. К тому моменту, как он его отправил, моя ярость и отвращение достигли апогея, и я не могла заставить себя прочесть его. Единственное, чего мне хотелось, – это плакать.

После расставания я провела неделю в постели. Майк, мой босс, звонил и спрашивал, как у меня дела. Я, плача в подушку, была не в силах ответить ему внятно. «Мне жаль, дорогая», – говорил Майк. Он уже не мог и дальше выгораживать меня перед остальными, и отправил меня в Новый Орлеан, разрушенный «Катриной». Я успела впитать в себя всю ярость урагана. Мне хотелось крушить все вокруг. Я думала о лжи Тома и о потерянных годах.

Майк никогда не вмешивался. Просто слушал.

– Тебе уже легче думать о Томе? – спросил он меня как-то в сентябре.

– Боже, нет, – ответила я. – Вчера мне приснилось, что я переехала его на своей машине. Я слишком много работала и утратила чувство собственного достоинства.

А потом я получила письмо.

Я надеюсь, что сердце подскажет тебе прочесть это.

В письме я прочитала мысли несчастного и раскаявшегося мужчины и, думаю, в какой-то мере получила от этого удовольствие. Однако он сокрушался о том хаосе, в который превратил свою жизнь. Ему не было дела до того, что он сотворил с моей жизнью.

Я никогда еще не сожалел о чем-то всем сердцем. Каждый день и каждую минуту я чувствую, что тебя больше нет рядом.

Полное имя Тассо было Анастасий. Как и название его лодки, «Анастасия», оно означало «воскрешенный». Мы все искали новой жизни. К тому моменту, как мы снова оказались на берегу, я точно знала, что получу жизнь, в которой будет место ребенку, собаке и чертову забору вокруг дома, и неважно, будет в ней Том или нет. Со мной все будет в порядке. Я умела спасти ситуацию, но человек способен плыть против течения только до тех пор, пока оно не подхватит его и не унесет. Тому придется позаботиться о себе самому. Я ответила Тому и согласилась встретиться с ним, но только если он выполнит определенные условия.

Он, вероятно, разгадал несколько головоломок и сделал приношения богам.

Я потребовала консультации психолога: для себя, для него и для нас. На приеме я носила его в пух и прах и отказывалась видаться с ним без свидетелей. В конце концов мы увиделись в кабинете семейного психолога, с которым никто из нас ранее не встречался. Это была нейтральная территория.

– Сколько вы женаты? – спросила она.

– А мы не женаты, – сказала я ей. – Мы даже не встречаемся.

Она вздрогнула в своем кресле. С подобным она сталкивалась не каждый день.

– Вы пришли сюда, чтобы сойтись или навсегда расстаться? – спросила она.

Этот вопрос пробил мою броню. Я могла унижать Тома и без ее консультации за девяносто долларов в час. Нужно было признать, что я пришла, потому что хотела, чтобы все его слова оказались правдой.

Не знаю, как получилось, что обратный путь чуть было не оказался отрезанным для нас. Помню, Том казался самым несчастным и покорным человеком из всех, что я когда-либо видела. Я не присутствовала на его дурацкой вечеринке по случаю Хэллоуина и попросила подругу проверить все ящики его комода и убедиться, что я забрала все свои вещи. В глубине души я никогда больше не хотела возвращаться в этот дом.

Пока я писала о Тассо и его судне, Том работал над большой серией статей для газеты. Мы оба писали до поздней ночи, сидя по темным углам отдела новостей, не говоря друг с другом, но обмениваясь взглядами между абзацами.

Однажды вечером я написала комплимент его статье, а он мне ответил. Вскоре я перестала закрывать свой ноутбук.

Он говорил, что любит меня, а я не отвечала. Несколько раз мы вместе ходили к психологу, но я не была готова разговаривать с ним ни при встрече, ни по телефону. Я не позволяла себе верить его обещаниям. Было бы больно вновь разочароваться. Я ненавидела и любила его одновременно, и единственной защитой для меня было расстояние: моим буфером был отдел новостей, а щитом – монитор компьютера. Все изменилось, когда мы волей случая оказались на одной конференции в Бостоне.

Тому предстояло выступить в большой аудитории перед тысячей слушателей. Я попросила подругу сесть рядом со мной и съезжилась на своем стуле, пытаясь смешаться с толпой и остаться незамеченной.

Он, одетый в костюм, подошел к трибуне и прокашлялся.

«Эта история ни на что не похожа, – начал он. – Парень встречает девушку».

У меня покраснели щеки. Я схватила подругу за руку.

«Девушка решила, что парень не прав и что силы тьмы, вероятно, заменили его оригинал копией...»

Он читал для меня. Том написал этот рассказ несколько лет назад. Он был о двух людях, которые сошлись, сами не понимая почему.

«В тот момент вопросы жизни Лауры, вопросы, которые пронизывали простирающиеся позади нее годы, вдруг напомнили о себе. Было ли храбрым решение броситься в эпицентр урагана? Или это было глупо?»

Тома, как и персонажа из его рассказа, поглотил ураган. Я могла его уничтожить. Возможно, я уже это сделала. Он так долго шел на поводу у своего страха, что превратился в темную копию себя. Он кружился в потоке ветра, позволяя дождю стучать по своему телу, придавая ему новую форму.

«Она чувствовала, как ее накрывает волной экстаза. Она повернулась лицом к темному небу, отдаваясь на милость силе, грации и величию стихии, которую она не могла контролировать».

Той ночью мы говорили, сидя близко друг к другу в баре отеля, абсолютно трезвые. В самолете домой мы летели на соседних креслах.

За несколько дней до Рождества я разрешила ему приехать. Я потратила четыре дня, украшая дом и елку гирляндами. Мы разговаривали, сидя на диване. Настала ночь, и я не осмеливалась ни предложить ему остаться, ни попросить уйти, поэтому мы просто провели на этом диване всю ночь, практически неподвижно, разделив пространство и воздух. Он поцеловал меня в лоб, а я лишь отвернулась в ответ.

Следующим вечером я постелила матрас напротив камина, и мы провели ночь среди сияния тысячи огней.

Через десять месяцев я шла к алтарю, держа Нэта за руку. Майк, лучший свидетель из всех, кого мы только могли себе представить, стоял рядом с Томом, держа кольца.

Том: прозаичность непорочного зачатия

Еще одно утро в королевстве проблемного зачатия. За окнами ярко-голубое небо, в зале ожидания ощутимая атмосфера боли. Женщины, пытаясь собраться с духом, в тишине смотрели вдаль; они открывали сумочки, закрывали их и снова открывали. Я сел подальше, на мягкий и глубокий диван, ища в нем убежища. Я должен был справиться со своими тревогами.

Не зная, куда направить взгляд, я изучал комнату. На стенах висели картины с голубыми и розовыми цветами. Темно-зеленые диваны и такой же ковер, столики из темной древесины, вход, украшенный папоротником. Все это должно было напоминать о весеннем луге в окружении леса. Неужели лакокрасочная компания создала серию красок специально для центров планирования семьи?

С момента прозрения, наступившего в торговом центре, я ни на секунду не колебался в своем желании иметь совместного с Келли ребенка. Прошло уже более двух лет, и мы сбились со счета, у скольких врачей мы успели проконсультироваться. Ничто не помогало. Келли теперь было тридцать четыре, а мне – пятьдесят один.

Из-за моего расточительного отношения ко времени мы слишком сильно задержались.

– Томас Френч?

Виновен! Я имею в виду...

– Это я.

Медсестра повела меня по коридору мимо висящих на стенах рисунков яичников и маточных труб в разрезе, мимо постеров с бластоцистами и зиготами, мимо одного за другим смотровых кабинетов, в которых мне доводилось держать Келли за руку, в единственный в клинике кабинет, предназначенный для пациентов с Y-хромосомами. На двери был изображен улыбающийся сперматозоид, напоминающий счастливые зубы на стенах стоматологии. Я зашел внутрь, часто моргая. Неужели нервы начали сдавать? Или, может быть, я просто представил себе танцующего сперматозоида?

Я обернулся на дверь, но медсестра уже закрывала ее, оставив листок с инструкцией и пустую пластиковую баночку.

«Сначала тщательно вымойте руки, – сказала она, не смотря мне в глаза. – Когда закончите, оставьте банку на раковине».

Медсестра вышла. Меня ждало кресло из черной искусственной кожи, стопка эротических журналов, пара порнографических DVD-дисков, DVD-проигрыватель и телевизор. Я был смущен и выбит из колеи, а потрепанность этих атрибутов привела меня в бешенство. Если остальная часть клиники характеризовалась всеми клише женской эстетики, этот кабинет заявлял о том, что мужчины – это животные, чья сексуальная реакция настолько предсказуема, что им нужно лишь несколько внешних раздражителей, в любом месте и в любое время. Однако мое отвращение противоречило тому, что большинство знакомых мне мужчин, включая меня самого, подтверждали этот стереотип каждый день.

Я приступил к чтению инструкций. Нужно было написать на ярлычке, прикрепленном к банке, свое имя и дату рождения. Мне следовало быть очень осторожным с тем, чтобы не задеть руками или чем-либо еще внутреннюю поверхность банки. Я остановился на предупреждении о том, что для стимуляции эрекции нельзя применять оральные ласки, так как слюна может испортить образец. Это ввело меня в замешательство. В действительности, правилами клиники было запрещено приводить жен и девушек в этот кабинет. Возможны ли оральные ласки в таких условиях? Неужели некоторые мужчины настолько гибкие?

В листке говорилось, что мне нужно всеми силами постараться сделать так, чтобы образец оказался внутри банки. По строгой формулировке стало ясно, что ответственные люди понятия не имели, контролируют ли неандертальцы, находящиеся в этом кабинете, направление движения их ДНК. Я огляделся по сторонам в поисках защитного костюма. Несомненно, они периодически включали здесь инфракрасную лампу и проводили дезинфекцию. Сама банка была настолько большой, что туда поместился бы эякулят носорога. Неужели они думали, что я ее наполню?

«Хватит ныть», – сказал я себе, вспоминая обо всем, через что пришлось пройти Келли.

Консультации и УЗИ, осмотры зеркалом, катетеры. Если она справилась со всем этим, я точно справлюсь с тем, что мне предстоит сделать сейчас.

Журналы не были привлекательными. Несколько «Пентхаусов» и пара жалких старинных выпусков «Хастлера». Очевидно, их использовали бесчисленное количество раз. Диски тоже меня не впечатлили. Единственное название, которое я прочел, – «Повелитель попок, выпуск 16», что-то в этом роде – смутило меня. Мужчина приходит сюда, чтобы помочь своей жене зачать ребенка, а ему предлагают фантазировать о порнозвездах с силиконовыми частями тела? На информационном стенде в коридоре можно было увидеть десятки фотографий детей, предположительно зачатых с помощью «Повелителя попок-16». Имею ли я право судить? Если Келли думала, что это поможет ей забеременеть, она должна была вручить мне первые пятнадцать выпусков в подарочной обертке.

Время шло быстрее и быстрее. Я все еще помнил кудрявую девочку с застенчивой улыбкой из школьного журналистского лагеря. Если бы кто-то сказал мне, что мы будем вместе, я никогда бы в это не поверил. Она была такой молоденькой. Такой серьезной. Шестнадцать лет спустя она шла к алтарю, словно во сне.

Съехавшись со мной и мальчиками, Келли быстро освоилась. Она отдала Хака матери, но начала превращать наш гараж в приют для целой орды бездомных щенков. Когда Сэм увидел, как Келли достает шестерых новорожденных щенков из амниотических мешков, он чуть было не упал в обморок. Еще до того как я успел это осознать, я уже выгуливал питбулей. Келли оказалась права: это и впрямь очень послушные и дружелюбные собаки. Им нравилось заползать к нам на колени, несмотря на свои внушительные габариты. Единственной собакой, которая агрессивно повела себя со мной, оказалась кормящая такса, которая прикусила низ моих шорт, когда я приблизился к ее щенкам. Я сказал ей, что никогда не причиню вреда ее малышам, и она отошла, рыча. Однажды Келли, просматривая сайт с бездомными животными, увидела красивую собаку, коричнево-белого питбуля, которого в тот день планировали усыпить. Келли сразу почувствовала к ней симпатию, сделала пару звонков и зарезервировала ее. Вскоре мы забрали собаку к себе и назвали Маппет.

Мы с мальчиками придумывали глупые песни:
Я очень стараюсь никому не делать зла,
Я не могу не лизаться, ведь я так мила.

То, как Келли преобразила нашу семью, невозможно переоценить. Тем летом, в полночь, когда финальная седьмая часть «Гарри Поттера» появилась в продаже, Келли повела нас в ближайший торговый центр, где мы встали в очередь, которая шла через отдел женского белья.

Я уже не был репортером «Сент-Пит таймс». Проработав там двадцать семь лет, я согласился стать преподавателем журналистики в Индианском университете, моей альма-матер. Келли занимала ответственную должность редактора в «Сент-Пит» и не была готова к переезду. Теперь я каждую неделю улетаю в Индиану во вторник утром и возвращаюсь во Флориду через пару дней. Было трудновато, но это того строило.

Проходив на психотерапию больше года, я поборол страх того, что слишком стар для рождения еще одного ребенка. Моя бабушка прожила более девяноста лет. Отцу было почти восемьдесят, и он все еще был полон сил.

«Никто не знает, сколько времени ему осталось, – сказала мне Келли. – У тебя хорошие гены».

Пора было прекращать тянуть время. Пытаясь отвлечься от голосов в коридоре за дверью, я сел в кресло, расстегнул джинсы и забыл свои недовольства о том, что мужчины воспринимают женщин лишь как сексуальный объект.

Я был очередным неандертальцем.

Обычным мужчиной, не лучше и не хуже остальных.

Результаты стали известны через несколько дней. Число моих сперматозоидов превосходило восемьдесят миллионов. Они были энергичными, быстрыми и целеустремленными.

Цифры меня поразили. Восемьдесят миллионов крошечных копий меня направляются к одной из яйцеклеток Келли. Однажды я брал интервью у эмбриолога, и он рассказал о том, как сперматозоиды собираются вокруг *zona pellucida*⁴, гликопротеиновой оболочки вокруг яйцеклетки. *Zona pellucida*. Мне нравилось смаковать эти слова. Эмбриолог с большим воодушевлением рассказывал об экстракорпоральном оплодотворении, при котором яйцеклетка оплодотворяется в чашке Петри, а затем получившийся эмбрион помещается в тело матки женщины. С большим интересом он говорил и о тайне зачатия. Над инкубатором он повесил плакат с изображением росписи потолка Сикстинской капеллы Микеланджело. Это был фрагмент, на котором Бог и Адам тянут друг другу руки, а между кончиками их пальцев загорается искорка жизни.

Восемьдесят миллионов возможностей. И все это разные вариации, разное будущее.

Поначалу ощущение чуда было легко поддерживать. А затем время стало утекать. Периодами, циклами продолжительностью двадцать восемь дней. Мы старались на этом не заикливаться и забываться в простом желании. Однако с каждым месяцем Келли все больше разочаровывалась. Я же сильнее убеждался в том, что бог наказывает меня, а Келли достается за связь со мной. Несмотря на мои искренние угрызения совести, искупить грехи было не так легко.

Больше врачей, больше обследований. Я снова и снова держал Келли за руку, пока они осматривали ее то двадцатисантиметровым трансвагинальным датчиком УЗИ, который она назвала «Членом смерти», а то мини-видеокамерой, которую запускали к ней в живот через пупок.

«Вот здесь, – сказал мне врач, указывая на мониторе на что-то размытое, – ее яичники, а это – матка».

Когда пришел черед первой попытки ЭКО, мы вместе поехали в клинику в Тампе. Я прочитал, что качество сперматозоидов мужчины улучшается, если он долго пребывает в возбужденном состоянии, поэтому я попросил Келли помочь мне. Путь до клиники на автомобиле занимал сорок пять минут, зачем их терять?

«Давай же, – сказал я. – Можешь пошептать мне непристойности?»

Келли вздохнула, как это сделала бы женщина, которой пришлось пережить множество унижений. Она перелезла на заднее сиденье и начала нашептывать мне на ухо. Неважно, делала она это искренне или притворно, самым главным было ее участие. Мы продолжали эту игру, пока ехали по Сент-Питерсбергу, затем по мосту через залив Тампа и, наконец, в пробке в деловом квартале Тампы. Боковым зрением я видел, как дальнобойщики с соседней полосы смотрели на нас и ухмылялись.

⁴ Термин «блестящая оболочка» в русском языке используется редко, чаще сохраняется латинское название. – *Примеч. пер.*

Пять дней спустя врачи показали нам черно-белый снимок, на котором были запечатлены две созданные нами бластоцисты. Их клетки уже делились.

Вероятность того, что хоть один из эмбрионов приживется, была невысока. Тем не менее мы хранили надежду, пока один за другим тесты на беременность не полетели в мусорное ведро. К тому моменту мы потратили более \$20 000 на попытки зачать ребенка.

Деньги не имели никакого значения.

Для Келли наша дочь уже существовала.

«Представь, что кто-то забрал у тебя Нэта или Сэма, – однажды сказала она, лежа в постели. – Сколько бы ты заплатил, чтобы вернуть их?»

Множество надежд разбиты вдребезги. Мы набрасывались друг на друга, высказывали упреки, сами того не желая, и ругались по пустякам. Каждый день я замечал, как Келли все больше и больше тонула в печали.

Через несколько месяцев мы снова попробовали ЭКО. На этот раз в чашке Петри выжили три эмбриона. Как и в большинстве американских клиник, где проводится ЭКО, врачи здесь следовали этическому кодексу, по которому внутрь матки помещалось не более двух эмбрионов. Никому не нужна была вторая «Октомама». Было решено пересадить Келли два эмбриона, а третий заморозить.

Пересадка была назначена на утро воскресенья. Лежа на кушетке в больничном халате, Келли вдруг заявила, что хочет пересадить всех трех эмбрионов. Я, потрясенный, наблюдал за тем, как она попросила одну из медсестер позвонить домой главному врачу клиники с требованием забыть об этическом кодексе.

«Я хочу, чтобы все эмбрионы были внутри меня, – сказала Келли. – Я не собираюсь бросать своего ребенка».

Я бы многое отдал, чтобы узнать, как отреагировала врач на звонок: рассмеялась она или рассердилась, но все же разрешила. Команда суежилась, делая финальные приготовления. Мы подписали бумагу, подтверждающую нашу осведомленность о возможности рождения тройняшек. Келли подписала ее без колебаний.

Я был восхищен решительностью жены.

– Тройняшки? – сказал я, смеясь.

– Мы справимся, – ответила она.

Шансы, что какой-то из трех эмбрионов выживет, были малы. Через пару недель анализ крови подтвердил то, что мы и так знали.

Келли: за чудо нужно бороться

Считается, что создание ребенка в пробирке отделяет зачатие от акта любви, но люди говорят много глупостей.

Дети создаются множеством разных способов. Их зачинают на задних сиденьях автомобилей, в ваннных комнатах, под трибунами и на лестницах. Они появляются от желания, похоти, смущения, слабости, мести и даже ярости.

Дети, созданные в лабораториях, являются результатом точнейших расчетов. Они стоят дорого: для этой цели люди устраиваются на вторую работу и берут кредиты. Их делают сообща.

Я слышала, что лечение бесплодия называют проявлением эгоизма, но я никогда не была с этим согласна. Дети овладевают вашим телом, деньгами, временем, личной жизнью, личностью.

ЭКО – прекрасная подготовка к воспитанию детей, потому что вам постоянно приходится задаваться вопросом: чем еще я готов пожертвовать?

Поначалу это всего лишь несколько анализов и, возможно, несколько лекарств, но за этим следуют головные боли и перепады настроения; затем какая-то простая процедура, легкие спазмы, один-два дня не на работе; потом наступает очередь небольшого хирургического вмешательства, и очень скоро к вам по почте приходит коробка шприцев и ампул, холодильник превращается в аптеку, а вы оказываетесь в центре научного эксперимента, не понимая, как вообще в него попали. «Почему бы вам просто не усыновить малыша?» – спрашивали нас, словно можно просто заехать в детский дом по пути с работы и выбрать ребенка. Усыновление может быть не менее дорогостоящим и пугающим, чем ЭКО, и очень маленький процент пар могут себе позволить попробовать и то и то.

Мы пытались забеременеть уже четыре года. Врачи рекомендовали нам взять донорскую яйцеклетку – это что-то вроде волшебного зелья в сфере лечения бесплодия. Это как замена двигателя устранила бы любую неполадку в автомобиле. Врачи могут зачать ребенка с помощью всего одного сперматозоида. Яйцеклетка куда более таинственна, и к тому же ее сложно получить.

Успев пожертвовать многим, я без колебаний решила отказаться от генетической связи со своим ребенком. Так ли важны мои гены? У моих пасынков их нет, но они просто потрясающие. Мои старшие братья и сестры от другой матери. Мы вообще не похожи и говорим с разными акцентами. И что с того?

Я горжусь трудолюбием, которое унаследовала от своих родителей и бабушек с дедушками. Моя мама и бабушка работали до глубокой старости. Но дело ведь не в биологии. Я горжусь бескорыстием своей матери. Когда она вышла замуж за моего отца, то стала жить с тремя пасынками, которым на тот момент было восемь, десять и двенадцать. А через пять месяцев у нее появилась я. Она водила «Форд Фалкон» 1964 г. выпуска и носила мои футболки с логотипом начальной школы до тех пор, пока я не пошла в колледж. Ее руки были грубыми из-за химикатов, с которыми ей приходилось работать в лаборатории, но их прикосновение всегда было для меня самым нежным. Я могла передать следующему поколению ее лучшие качества, подавая собственный пример, независимо от генов.

Мы не осознаем путей, которые приводят нас в этот мир, но в моем представлении рождение ребенка не было тождественно созданию кого-то. Я хотела помочь своей дочери стать лучше меня. Конечно, в моей голове был образ темноволосой девочки с голубыми глазами и чумазым лицом, но я предвкушала увидеть ее другой.

В зарождении живого существа заключается настоящее чудо.

– Знаешь, – однажды сказал мне Том, – если у тебя будет дочь, то в подростковом возрасте она будет тебя ненавидеть.

– Она не обязана любить меня, – ответила я. – Это я должна любить ее. Вот и все.

Я должна была предоставить ей потрясающего отца. Я должна была подарить ей всю свою любовь и постараться стать для нее примером. Я должна была наградить ее лучшими генами. Она же ничего не была мне должна.

Но кем была женщина, чья клетка могла стать моим будущим ребенком? Анонимных доноров я не рассматривала. Моя дочь захочет получить ответы на свои вопросы, и я должна буду ей их предоставить.

Мы с Томом просматривали сайты с анкетами потенциальных доноров, предоставленными специальными агентствами. Большинство женщин были белыми и не старше двадцати пяти. Может, надеялись накопить на образование? Они писали, что хотят помочь нуждающейся паре в зарождении новой жизни. И да, принимали наличные. Они выкладывали свои фотографии в купальниках и вечерних платьях и фотографии детей. Предоставляли свои медицинские карты, писали, на что у них аллергия. Этой нравилось гулять по пляжу, а у той аллергия на моллюсков и котов. Яйцеклетка этой женщины стоит \$5000, а той – \$8000, потому что из ее яйцеклеток уже успешно получались дети.

В онлайн-профилях не было ничего, что мне действительно хотелось знать. Было ли у них чувство юмора? Были ли они творческими личностями? Были ли они смелыми? Сильными?

Том не слишком внимательно рассматривал анкеты. Если бы он выбрал донора, то только исходя из единственного критерия – привлекательности. Он позволил мне принять решение.

«Чью яйцеклетку ты бы выбрала, – спросил он меня однажды, – если можно было выбрать любую женщину в мире?»

Том постоянно задавал мне странные, но глубокие вопросы, а потом нервничал из-за того, что я обдумывала ответ на них двадцать минут. Однако в этот раз я ответила моментально: «Дженнифер».

Она была моей тайной любовью. Женой моего друга. Эта великолепная, забавная, остроумная женщина вдохновляла меня. Однако я ее практически не знала, мне лишь несколько раз удавалось перекинуться с ней парой слов. И вряд ли смогла бы попросить кого-либо о такой громадной услуге. Дженнифер была одной из тех женщин, которые, поднявшись утром с постели, уже готовы сниматься в рекламе шампуня. Клянусь, она сияла изнутри. Каждый раз, когда я находилась с ней рядом, я чувствовала себя чудищем.

С ее мужем я была знакома гораздо лучше. Бен был репортером, работавшим на меня в газете, хотя мне сложно было представлять себя в роли его босса. Я всегда старалась помочь ему. Бывало, в полночь я привозила ему буррито, когда он писал до рассвета. Однажды я купила ему билет на самолет, чтобы он мог выбраться с Гаити. Мне всегда казалось, что я научилась у него большему, чем он у меня.

Однажды я пригласила Бена в свой кабинет.

– Смотри, – сказала я, придвинув к нему монитор так, чтобы он мог увидеть потенциальных доноров во всей красе.

– Я ищу маму для малыша.

– Что?! – ответил он.

Прямые волосы, кудрявые, веснушки, скулы, меланома, длинные ноги, депрессия, болезнь Альцгеймера, рак груди, темные ресницы, худые бедра, зеленые глаза, высокий холестерин. Похоже на меню ресторана быстрого питания. Наступит день, когда я объясню своей дочери, почему она получила ожог, а не загорела, почему у нее такая маленькая или большая грудь или почему у нее кариес, несмотря на то что она пользовалась зубной нитью.

– Это странно, да? – сказала я. – Понимаешь, я могла бы даже оказаться в одной комнате со всеми этими людьми.

Бену не было известно о моей любви к его жене и ее спелым драгоценным яйцеклеткам. Я знала, он понимал, о чем я говорю. Он всегда умел чувствовать. Бен создал семью, в которой самым важным было воспитание характера. Трое его детей бегали голыми во дворе, пели, лазали по деревьям, искали жуков и падали с крыши сарая, выступали против социальной несправедливости на митингах, держа в руках приготовленные дома транспаранты. Их научили думать своей головой, не быть равнодушными и брать от жизни все.

У Дженнифер всегда был стакан пива в руке и ребенок на бедре. Она была такой же одаренной, как и ее муж. Ее записи в «Твиттере» походили на извращенную домашнюю поэзию:

Заставила Бэя съесть оливку, сказав ему, что это глазное яблоко. Даже не знаю, как это нас характеризует.

Нужны ли объявления о пропаже котов? Разве это не косвенный способ сообщить, что ваш кот мертв?

Учительница только что сказала мне, что ей нужны шаблоны букв. Я улыбнулась и кивнула. Теперь я напугана, одинока и потеряна. Что мне делать?
#родительский_комитет

Несколько недель спустя мы с Дженнифер оказались на заднем сиденье одной машины нью-йоркского такси. Бен получил почетную журналистскую премию, и мы направлялись на праздничный ужин.

Дженнифер выглядела так, словно достала из шкафа и надела первую попавшуюся одежду и провела пальцами по волосам вместо расчески, как вдруг она повернулась ко мне и сказала:

«Можешь взять мою яйцеклетку».

Я чуть не потеряла дар речи. Она, очевидно, не понимала, о чем говорит. Что Бен ей наплел?

«Нам нужно напиться и обсудить это», – ответила я наконец.

Мы приехали в мексиканский ресторан, где репортеры, редакторы и организаторы премии вели светские беседы и поздравляли друг друга. Мы с Дженнифер пили гранатовую «Маргариту» и шептались о стимуляции яйцеклеток, инъекциях прогестерона и о том, что мы будем делать, если малышу больше понравится биологическая мать. Это был самый долгий разговор из всех, что у нас когда-либо состоялся, и продолжался он на протяжении всего обратного пути во Флориду. Затем последовали электронные письма, эсэмэс-сообщения, ужины и визиты к врачу. Если она и колебалась, то виду не подавала. Наши семейные древа все крепче переплетались корнями. Если наш план сработает, мы будем связаны навсегда. Наши дети будут наполовину родными. Братья и сестры по яйцеклетке?

В итоге мы с Беном решили все рассказать Майклу, ведь он был нашим другом, а работа усложняла наши отношения. Я нервничала, и Майк понимал, что разговор предстоит серьезный. Думаю, он подозревал, что у нас с Беном роман.

«Мы с Беном, – неуверенно начала я, – и Том с Дженнифер, – продолжила я, изучая его лицо, – собираемся зачать ребенка. Вместе».

Майк прослезился.

Другим людям это казалось странным, но разве нам было до них дело?

Мне казалось, что это сумасшедшая идея. Однако если в ее основе не лежала любовь, то тогда я, очевидно, не знаю, что означает это слово.

Том: о трудностях морального выбора

Моя жена даже не пыталась скрыть, что влюблена в кого-то другого. Я слышал, как она флиртует по телефону, понимая, что на другом конце провода Дженнифер. Они обменивались сообщениями в послеобеденное время и шептались по телефону ночами. Как и многие другие новоиспеченные влюбленные, они делились тайными качествами своей личности в долгих разговорах, заполняющих расстояние между ними. Положив трубку, Келли, очевидно потерявшая голову от любви, сидела неподвижно, уставившись в одну точку и не обращая на меня внимания. Затем она резко приходила в себя и начинала рассказывать, как Дженнифер умна, ослепительна, весела и великолепна.

«Я имею в виду, что она невероятно эффектна. Ты разве так не считаешь?» – говорила она.

Я знал, что соглашаться с этим слишком эмоционально нельзя, и признавал, что Дженнифер привлекательна, но всегда добавлял, что Келли не менее хороша. Я всегда отмечал, что у них обеих длинные струящиеся волосы, похожее телосложение и что их легко можно принять за сестер.

«Нет, – говорила Келли, отмахиваясь, – Дженнифер совершенно в другой категории привлекательности».

Даже если я настаивал на своей точке зрения, это не помогало. Дженнифер обладала особым магическим очарованием. На «Фейсбуке» она называла свое жилище «Дом, где звучит The Tragically Hip»⁵, и это была правда.

Сын Дженнифер Бэй подарил ей открытку на День матери, в которой говорилось, что она красива, как Мексика, мила, как одуванчик, и умна, как Железный человек.

Она говорила, что учит своих детей быть добрыми и открытыми. При любой возможности выступала против расизма, идеологии насилия и жестокости полицейских.

– Что нужно делать, когда вы встретите полицейских? – спрашивала она своих детей.

– Снимать их на камеру, – отвечали они.

Я был поражен тем, как Келли была довольна своим выбором. Вместе с Дженнифер они собирались зачать ребенка. В какой-то момент мне нужно было внести свой вклад, но между ними происходило нечто особенное. Подумать только, яйцеклетка одной женщины, матка другой, сперматозоид мужчины. В случае рождения ребенка хромосомы Дженнифер в его теле будут переплетены с моими в каждой клетке его тела. Мы сольемся в самом продолжительном акте создания, хотя в действительности между нами не будет ничего, кроме дружеских объяснений.

Между этими двумя женщинами расцветала настоящая неразрывная связь.

Как и Келли, я знал об открытом осуждении ЭКО, которое люди ассоциировали с получением детей из пробирки для рабства, как в книге «О дивный новый мир». Детей, рожденных с помощью ЭКО, даже называли детьми-Франкенштейнами, однако противники этого способа зачатия не учитывали фундаментального различия. Монстер Мэри Шелли был воскрешен из мертвых, в то время как ЭКО открывало возможности для создания новой жизни.

У меня не было моральных рамок в отношении того, как далеко мы с Келли можем зайти в попытках зачать ребенка. Тем не менее было очевидно, что мы вмешиваемся в естественные механизмы человеческой природы. Духи в моей голове напоминали мне, что католическая церковь всегда считала искусственное оплодотворение грехом. Прочитав в Интернете церковную доктрину, я понял, что осуждение ЭКО связано с отклонением от естественного зачатия в ходе

⁵ «The Tragically Hip» – канадская рок-группа. – *Прим. пер.*

акта любви между мужем и женой. Еще сильнее церковь осуждала использование донорских яйцеклеток и сперматозоидов, так как в этом случае половина генов ребенка будет принадлежать третьему человеку. Наибольшего порицания заслуживало то, что происходит с лишними эмбрионами, которых уничтожают, замораживают, отдают другим парам, а в некоторых случаях завещают науке.

Каким образом чашка Петри превращает эмбрионы в монстров?
Возможно, их зачатие просто лишено божественного вмешательства.

Недовольство церкви в основном было связано с тем, что ЭКО позволяет людям вместо Бога принимать решение о зачатии ребенка. По словам церкви, искусственное оплодотворение – это акт против достоинства человеческой жизни.

На одном из сайтов говорилось: «В ходе ЭКО к ребенку на самом раннем этапе развития, на этапе зачатия, относятся как к менее достойной существования человеческой особи».

В глубине души я соглашался с последним утверждением. Тем не менее мне было тяжело воспринимать такого рода предупреждения серьезно, так как они исходили от института, позволявшего священникам совращать и насиловать тысячи детей, а затем тщательно скрывать это.

Церковь затрагивала важный вопрос о том, что происходит с эмбрионами, которые не превращаются в младенцев. Мы с Келли подписали бумагу, согласно которой все не использованные нами эмбрионы будут заморожены, чтобы мы имели возможность использовать их позднее.

Перед тем как извлечь у Дженнифер яйцеклетку, врачи клиники настояли на нашей встрече с психологом, который специализировался на вопросах рождения детей. Дженнифер и Бен пошли первыми, в то время как мы с Келли пили кофе через дорогу. После настал наш черед. Завершилось все общей беседой.

Психолог спросила Дженнифер, не будет ли та испытывать противоречивые чувства, когда родится ребенок, и не предъявит ли свои требования. Дженнифер ответила, что она прекрасно понимает, что это будет ребенок Келли. Еще она добавила, что у нее самой уже есть трое детей.

Психолог также спросила, планируем ли мы скрывать от семьи и друзей факт заимствования яйцеклетки. Бен и Дженнифер уже обсудили происходящее со своими детьми. Мне тоже казалось, что это лучше не держать в секрете, но Келли сначала хотела все обдумать. Еще она справедливо заметила, что решение об этом стоило принять самому ребенку. Настолько личную информацию не следовало разглашать без его согласия.

Психолог спросила нас, думали ли мы о том, что расскажем своему ребенку. Захотим ли мы, чтобы он встречался с Дженнифер, Беном и их детьми? Да.

Психолог отметила, что использование донорских яйцеклеток – явление относительно новое и что его эмоциональные последствия еще до конца не изучены. Тем не менее результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что дети легче воспринимали эту новость, если родители рассказывали им правду в раннем возрасте.

Затем специалист обратилась к Келли:

«Что, если во время беременности возникнут осложнения или ребенок родится с генетическим заболеванием?»

«Будете ли вы злиться на Дженнифер за то, что она предоставила вам „бракованную“ яйцеклетку?»

Келли ответила, что поражена желанием Дженнифер и Бена сделать нам такой подарок, и уверяла, что будет испытывать к ним исключительно любовь и благодарность, что бы ни случилось.

Параллельно мы с Келли отвезли Сэма в Питсбург, где ему предстояло начать обучение в университете Карнеги-Меллон. Было тяжело отправить Нэта в колледж тремя годами ранее, но отъезд Сэма был гораздо более болезненным, потому что наша жизнь стала невыносимо пустой. На доске, висевшей на двери его комнаты в общежитии, я написал одну из наших самых любимых фраз. Цитату из романа Кормака Маккарти «Дорога»:

«Он знал одно – ребенок был его спасением. Сказал себе: – Если он не творение Господне, значит, Бога никогда не было»⁶.

Минуты прощания наполнили глаза слезами. Мне всегда было так хорошо со своими сыновьями, а теперь их не будет рядом.

Келли поддерживала меня, когда в душевном порыве я причитал: «Я не хочу приходить домой и видеть эту комнату такой пустой. Я этого не вынесу. Нам нужен еще один ребенок. Необходимо сделать все, чтобы наш план сработал. Я хочу держать на руках малыша».

Келли улыбнулась и прижала меня к себе: «Мы работаем над этим, дорогой».

Гормональная терапия началась двумя месяцами позднее. Келли и Дженнифер делали ежедневные инъекции, чтобы синхронизировать цикл. Однажды утром я приехал в клинику и увидел Дженнифер в одном из кабинетов. Она была готова к извлечению яйцеклетки. Бен и Келли опаздывали, и на протяжении нескольких неловких минут я один сидел рядом с этой невероятной женщиной, сделавшей нам бесценный подарок. Новую жизнь. Будущее. Я хотел высказать Дженнифер, как много ее поступок значил для меня, но к горлу подступил ком, и меня хватило только на то, чтобы держать ее за руку и непринужденно болтать, пока врачи ее не увезли.

Меня увели в другой кабинет. В тот день у Дженнифер извлекли восемь яйцеклеток. Вскоре приехали Бен и Келли, а когда Дженнифер отпустили, мы вдвоем повезли ее на кресле к парковке. Дженнифер еще не до конца отошла от наркоза, и Бен так за нее переживал, что врезался в стену и раздавил стаканчик кофе, обрызгав всех нас. Мы с Келли уже начали задумываться над тем, что делает эмбриолог в данный момент. Успел ли он поместить сперматозоидов в чашки Петри? Убрал ли он их в инкубатор? Сколько понадобится времени, чтобы первый пловец достиг одной из яйцеклеток и клетки начали делиться?

Пять дней спустя медсестра показала нам снимки четырех эмбрионов и указала на те два, что врач выбрал для пересадки в матку Келли.

Они напоминали овсяное печенье.

Пока врач пересаживал эмбрионы, я держал Келли за руку, как и во время множества других процедур. Возможно, именно в этом и заключалось предназначение мужа. Не в том, чтобы оплачивать счета, выносить мусор и даже заниматься любовью, а в том, чтобы держать жену за руку.

Полторы недели спустя я проснулся среди ночи, почувствовав, что Келли ворочается. Она пошла в ванную, а когда вернулась, я посмотрел ей в глаза.

– Я знаю, что у нас будет ребенок.

– И я это знаю, – ответила она.

– Я точно знаю это. Это обязательно случится.

– Да.

Ее голос звучал как-то особенно.

– Я слышу уверенность в твоём голосе.

Она обвила меня руками и прошептала мне на ухо:

– Два положительных теста.

Я сел на постели, пытаясь осмыслить ее слова.

⁶ Пер. Ю. Степененко.

– Подожди...

Часть 2

Кровь

Сердце нашего ребенка продолжало биться. Я достала свой iPhone и записала звук сердцебиения на диктофон...

Келли: последствия преждевременной радости

Неделю за неделей мы наблюдали за нашим малышом на мониторе аппарата УЗИ. Сначала это было темное пятнышко без видимых черт, затем крохотный шар, затем стали заметны зарождающиеся ручки и ножки и, наконец, стал различаться профиль.

Я отслеживала рост малыша с помощью мобильного приложения.

Когда мы сообщили новость Нэту и Сэму, ребенок был размером с кунжутное семя. Затем он дорос до голубики, а потом и до апельсина. Почему без этих метафор нельзя обойтись? Джинсы уже перестали на мне застегиваться. Мы с Томом не могли определиться с именем и составляли бесконечные списки.

Я пересылала все снимки УЗИ Дженнифер, а она их комментировала:

Дженнифер: Если то, что мне кажется пальцами, действительно пальцы, то не слишком ли они большие? Как думаешь, у ребенка будут гигантские пальцы? Я: Мне кажется, они похожи на клешни. Как у тираннозавра рекса.

Дженнифер: Клево.

На двенадцатой неделе репродуктолог передал меня моему обычному акушеру-гинекологу, уверенному и привлекательному доктору Макниллу и его очаровательному ассистенту с ямочками на щеках доктору Рейсу. На очередном УЗИ я задавала миллион вопросов.

Примерно на шестнадцатой неделе я пришла, чтобы узнать пол ребенка. Том работал в Индиане, поэтому, по обыкновению, врача я посещала одна. Я привыкла к ощущению холодного геля для УЗИ на своем животе и даже к «Члену смерти». Теперь врачи могли делать со мной все, что угодно.

«Кого вы ждете?» – спросила меня узист. Я не хотела отвечать. Хотя я безумно любила Нэта и Сэма, все равно хотела девочку.

Врач сначала смотрела внимательно, и, когда приблизила изображение, я смогла все увидеть. Самый большой детский пенис в мире.

«Определенно мальчик», – сказала узист.

Разочарование, должно быть, отразилось на моем лице, хотя я старалась этого не показывать.

Покемоны. Обрезание (?). Ю-ги-о! Компьютерные автогонки. Бэйблэйд.

Покер. Рестлинг. Почесывание яиц. Фильмы про зомби. Уличные банды.

– Подождите, – сказала она.

Врач все еще рассматривала изображение.

– Возможно, я ошибаюсь, – добавила она. – Ребенок скрещивает ноги.

Врач сказала, что мне скорее всего придется прийти снова. Это мог быть как пенис, так и пуповина.

– Но мне очень нужно знать, – взмолилась я. – Давайте подождем.

Больше геля. Тик-так. Следующий пациент начинает суетиться в зале ожидания. Тик-так.

– Теперь я вижу, – сказала она. – Определенно девочка.

Я села на кушетке и засмеялась.

– Вы уверены? – спросила я.

– Абсолютно.

Через некоторое время я почувствовала, как моя дочь перевернулась и толкнула меня. Она была чем-то вроде карманного питомца, которого я повсюду носила с собой. Мне нравилось разговаривать с ней и строить наши совместные планы. Том все еще уезжал на три дня в неделю, но я никогда не оставалась в одиночестве.

Мне казалось, что мы с Томом стали лучше понимать друг друга, но это было не совсем так. Мы были разными людьми с устоявшимися взглядами, и нам нелегко давалось объединение. Общий счет в банке. Раны, которые мы нанесли друг другу на заре наших отношений, когда мы то притягивали друг друга, то отталкивали. Он прятал щеки и небольшие суммы между книгами на полке, как белка. Я бегала за ним и складывала все в папки. Он закрывал кухонные шкафчики, оставленные мной открытыми, и тщетно искал маленькие зажимы для пакетов с хлебом, которые я всегда выбрасывала. Выходные я проводила на улице, борясь с кудзу и приводя двор в порядок. Том присоединялся ко мне на несколько минут, а затем спрашивал: «Можно мне заняться чем-нибудь в доме?»

Он презирал рутину повседневной жизни, предпочитая скрываться от нее в книгах, фильмах, музыке. Я хотела понять, избегает ли он только меня или всего на свете. В его машине музыка всегда играла так громко, что мы не слышали друг друга.

– Почему ты молчишь?

– Что?

– Почему ты так на меня смотришь?

– Что?!

– Не смотри на меня так!

– Я и не смотрю!

Ребенок напомнил нам о том, что все это не имело значения. Том прижимал лицо к моему животу и пел нашей дочери «Waitin' On a Sunny Day»⁷.

Мы так долго этого ждали, а теперь, казалось, тучи наконец начали рассеиваться.

Он хотел, чтобы я расслабилась, но у меня это не получалось. После работы я постоянно находила себе занятия: счищала старую краску с дверей и подоконников и перекрашивала их. Я выкрасила детскую, предварительно замазав все отверстия от гвоздей и трещины, тем самым стерев следы присутствия там мальчика-подростка. Аккуратными движениями кисти я слой за слоем наносила на стены кремовую краску. Я повесила книжные полки и купила хлопчатобумажный матрас, кресло-качалку и ковер с обезьянкой. Сидя в кресле-качалке, я смотрела на Матисса на стене и наслаждалась идеальным порядком. Я раздумывала, чего еще не хватает: кровати, шкафа для одежды, ребенка. Я прекрасно понимала, что до сих пор существует риск его потерять. Том предлагал мне повременить с обустройством комнаты, ведь у нас было полно времени, но я настаивала на своем.

Однажды в пятницу, когда я была примерно на восемнадцатой неделе беременности, я решила взять Маппет с собой на велопрогулку после работы и надела на нее поводок. Был один из тех редких приятных мартовских дней, когда во Флориду еще не пришла невыносимая летняя влажность. Том сделал мне замечание: «Ты уверена, что хочешь взять собаку? Зачем?» Однако я отмахнулась от него. Его предупредительность казалась мне излишней.

Выкатывая велосипед из гаража, я задумалась о том, как наши разные взгляды на безопасность проявятся в воспитании ребенка. Я поведу нашу маленькую девочку кататься на трехколесном велосипеде, в то время как он будет бегать за нами, держа в руках кучу защитного снаряжения. Он уже безапелляционно запретил футбол и прыжки с трамплинов. До моего появления в их доме у Нэта и Сэма никогда не было собаки, и они ни разу не держали в руках электроинструмента. Я хотела, чтобы наш ребенок рос уверенным в себе и смелым. Я сама всегда была застенчивой, и мне хотелось воспитать лидера. Я боялась, что, если нашей дочери постоянно будут говорить: «Будь осторожна!», «Остановись!» и «Положи это!», она не научится полагаться на свои силы.

⁷ «Ожидание в солнечный день».

Я, не сворачивая с Вудлон Сёркл, нашей широкой солнечной улицы, неторопливо спускалась с холма, в то время как Маппет рысью бежала сбоку от меня. Вдоль улицы стояли дубы, и автомобили по ней не ездили, но я все равно посматривала, нет ли неподалеку бродячих собак или неадекватных соседей. Одна женщина, ненавидевшая питбулей, не раз угрожала нам бейсбольной битой. Маппет наполовину была бордер-колли, но питбуля в ней я любила больше и всегда этим гордилась. Каждый раз, когда я проходила мимо дома той сумасшедшей женщины, я представляла себе стычки с ней: иногда словесные, иногда настоящие потасовки. Маппет прошла курсы для собак и занималась флайбом⁸. У нее был заслуженный сертификат от Американского Кеннел-клуба. Я воображала, как умница Маппет предстанет перед судом и как она впечатлит всех своим спокойствием и вежливым рукопожатием. Десятки кинологов из местного клуба собаководов выступят в ее защиту, а сумасшедшую женщину все будут презирать.

На полпути с холма я переключила передачу на велосипеде и поехала быстрее, чтобы дать Маппет возможность побегать. Она радостно резвилась, свесив язык. К концу спуска я замедлилась и снова переключила передачу, как вдруг из ниоткуда появился рычащий комок шерсти.

Он весил не больше двух килограммов и напоминал сахарную вату с зубами.

Маппет бросилась в сторону, но это существо успело наброситься на нее. Я боялась отпустить поводок. Маппет придется защищаться, а учитывая ее породу и габариты, служба защиты животных не вступится за нее, какой бы сильной ни была признана провокация. Обе собаки попали в спицы колеса велосипеда, который продолжал катиться вниз. Тут на улицу выбежал хозяин маленькой собаки, и в этот момент я почувствовала, как мой велосипед стал медленно наклоняться и я упала на колено.

Джинсы были порваны и все в крови. Том почувал неладное, как только я вошла в дом. Я сказала ему, что со мной все хорошо. Он был сильно взволнован и безмолвно осуждал меня. Я чувствовала себя идиоткой. Если с ребенком что-то случилось, винить в этом следовало только меня.

Будучи на двадцатой неделе беременности, я в очередной раз пришла на УЗИ. Врачи внимательно осмотрели ребенка: нет ли у нее свободной жидкости в черепе, волчьей пасти и особой формы носа, свидетельствующей о синдроме Дауна. Ее позвоночник был цел как в продольном, так и в поперечном сечении. Брюшная стенка была закрыта, диафрагма цела, кишечник аккуратно уложен внутри. Сердце имело нужное количество камер правильных пропорций, клапаны открывались и закрывались без перебоев, пульс составлял сто пятьдесят ударов в минуту. Длина бедра, окружность головы и живота соответствовали норме. Это было в пятницу.

В воскресенье мы с Маппет поехали на соревнование по флайболу. Она была в составе команды собак-бегунов. Во время состязания команды из четырех участников на скорость преодолевали препятствия с мячом в зубах. Иногда они бесцельно перегавкивались с разных концов лужайки. На своих внедорожниках и домах на колесах съезжались заводчики со всего штата. В основном были представлены бордер-колли и джек-рассел-терьеры. Все это составляло комичное зрелище. Хозяева собак одной из команд постоянно хлопали по матам и кричали, намеренно провоцируя ложные старты и желая тем самым утомить питомцев своих противников. Том редко посещал это мероприятие, и я не винила его за это.

Когда Маппет стояла на стартовой линии, я согнулась над ней и прошептала: «На старт...», после чего она прижала уши и напрягла тело. «Внимание...», и она перенесла вес на

⁸ Флайбол – официально признанный вид кинологического спорта, игра с мячом.

задние лапы, замирая от нетерпения. «Марш!» Маппет полетела по лужайке, поймала теннисный мяч из пусковой установки, резко развернулась, как пловец, и понеслась обратно, пробежав тридцать метров за 4,2 секунды. Она ни разу не уронила мяч, не сбилась с нужной траектории и не пропустила прыжка. Маппет быстро собирала ленты и награды. Эндорфины в ее крови зашкаливали, а первобытные инстинкты все направляли: «Мяч, мяч, мяч, мяч, мяч, мяч, мяч». Во время одного из утренних забегов Маппет, преодолев финишную черту, подбежала ко мне за поздравительным объятием, и – бам! – она врезалась головой мне в живот.

Было больно. Господи, как же мне было больно. Я волновалась за ребенка.

Беременным женщинам приходится носить на руках своих годовалых малышей, их толкают в метро, а иногда они даже падают с лестниц. Женщины сильны.

Боль утихла. Я решила не говорить об этом Тому.

Между забегами я читала и перекусывала фруктовым салатом, сидя на складном стуле. Я еще не носила одежду для беременных, но резинка моих спортивных штанов уже была туго натянута на животе. Он был твердым, как дыня. Мне было интересно, слышит ли дочь лай собак и как она его воспринимает. Может, он успокаивает ее, как колыбельная? Время шло, а мне становилось все труднее найти комфортную для себя позу. Ерзая на стуле, я одним глазом следила за результатами забега, а другим просматривала ленту «Фейсбука» на своем телефоне, как вдруг поняла, что у меня началось кровотечение.

Я постаралась не паниковать и позвонила врачу. Медсестра, снявшая трубку, была спокойна.

– Приезжайте на осмотр, – сказала она.

– Это опасно? – спросила я.

– Будет ясно после осмотра, – услышала я в ответ.

Том: отрицание беды

По телефону Келли казалась удивительно спокойной. Она даже не попросила приехать за ней. Маппет предстоял еще один забег, и она думала, что кто-нибудь из членов команды по флайболу сможет подбросить ее домой. Я не понимал ее медлительности. Разве мы не пытались зачать этого ребенка годами?

Клуб собаководов Сент-Питерсберга находился в десяти минутах езды. Когда я приехал, Келли сказала, что боль утихла и спешить некуда. Она настояла на том, чтобы мы посмотрели последний забег нашей собаки. Несмотря на то что хозяева других собак предлагали завезти Маппет домой, Келли наотрез отказалась.

– Нам нужно как можно скорее добраться до больницы, – сказал я. – Необходимо выяснить, что и как.

– Не переживай, – ответила она, – это просто маленькое кровотечение. Все будет в порядке.

К тому моменту как мы оставили Маппет дома, Келли уже корчилась от боли, ее лицо было искажено судорогой, дыхание было сбивчивым.

– Поторопись, – сказала она.

Я пытался сделать все возможное, разве что не проезжал на красный сигнал светофора. Всего за несколько минут спазмы стали настолько сильными, что Келли кричала от боли.

В больнице медсестры немедленно усадили ее в кресло-коляску и повезли в смотровой кабинет. Спазмы становились все сильнее.

Когда в кабинет зашел акушер, на его лице было заметно удивление. Он объяснил, что, если схватки не остановить, наша дочь не сможет выжить вне матки. Однако была еще одна, более серьезная проблема. Тихим голосом акушер сказал, что околоплодная жидкость попала в кровоток Келли, что могло значительно усложнить остановку кровотечения. Медикаменты не действовали.

– Если мы не остановим кровотечение, – сказал он еще тише, – мы рискуем потерять вашу жену.

Келли схватила меня за руку, услышав слова врача.

– Не дай мне умереть, – сказала она, сжимая руку и смотря мне в глаза. – Пожалуйста, не дай мне умереть.

На мгновение я замолчал. До этого я даже представить себе не мог, что Келли чего-то боялась. Теперь она была в ужасе. Ее крики становились громче. Лицо побелело. Крови было столько, что кабинет выглядел как место убийства. Келли рвало.

– Я не позволю тебе умереть, – прошептал я. – Обещаю. Я рядом.

Вскоре лекарства подействовали, и кровотечение замедлилось. Теперь, когда Келли стабилизировали, врачи принялись за ребенка.

Когда они ввели аппарат для УЗИ, я постарался изобразить спокойствие. Я был уверен, что наша дочь мертва.

Врач быстро провел датчиком по животу Келли, пытаясь проследить на мониторе сердцебиение ребенка. Тишина. Он попробовал снова. Все это время я не дышал. Тишина. Врач продвинул руку в центр, под пупок Келли. Тишина.

Келли: сохранить жизнь любой ценой

Я не помню, что я делала: задерживала ли дыхание, вздыхала, говорила или плакала. Я помню кровь. Кровь на руках, кровь на больничной койке. Красные струйки и темные сгустки. Яркие кровавые бусины на синих латексных перчатках врача. Кровь казалась еще краснее из-за флуоресцентного освещения в палате. Это обжигающее чувство вины... Крови было так много, что я поняла – ребенка нет, уже нет. Знал ли об этом Том? Знал ли он, что я убила его дочь?

«Мне жаль», – сказала я ему. Съежившись на койке, я хваталась за поручни и прятала лицо в их пластмассовом безразличии. «Мне так жаль», – повторила я.

Он держал меня за руку. На его руках была кровь. Я убила его ребенка, его больше не было; осталась только кровь, которая струилась на пол оттуда, где должен был находиться ребенок.

Мне было доверено самое ценное, что есть в мире, результат долгих лет трудов и подарков от людей, которых я так любила. Я все испортила. Потеряла нашего ребенка. Мне было плохо. Я посмотрела на Тома. Я просто не могла потерять и его тоже.

Мужчина, который раньше падал в обморок при виде иглы, сидел рядом, забрызганный моей кровью, выпрямив спину.

Этот ребенок был нашим. Мы все еще были вместе.

Я пообещала себе, что с нами все будет в порядке.

Мы все испытали леденящий шок, когда звуки сердцебиения наполнили палату, как топот копыт бегущей лошади.

Я испытала что-то похожее на облегчение. У нас все еще была дочь.

На изображении монитора она плавала в пиксельном тумане. Однако за облегчением последовал прилив страха. Еще тяжелее было видеть ее такой довольной и ни о чем не подозревающей и знать, что нам, возможно, придется стать очевидцами ее смерти.

Всего за несколько часов она была потеряна и вновь обретена нами. Ее сердце билось. Как тихо, должно быть, там, в этой теплой воде. Она съеживалась, извивалась и, наверное, чувствовала себя в полной безопасности. Однако рядом с ней вырисовывалась таинственная фигура, которой не было еще два дня назад: сгусток крови размером с кулак, образовавшийся от отслоения плаценты. Медсестра ставила мне капельницы с лекарством, ослабляющим схватки, и постепенно оно начало действовать. Однако всем было ясно, что это лишь временная мера.

Мы с моим ребенком отдалялись друг от друга.

Она не выживет? Я не задала этот вопрос. Нормальная беременность длится сорок недель. Я лишь на середине срока. Если бы врачи не вмешались, у меня случился бы выкидыш на втором триместре.

Измазанную рвотой и кровью, меня перевезли в одноместную палату.

Врачи не могли сказать, когда я рожу, но если ребенок появится на свет в самом скором времени, последствия будут трагическими.

За несколько следующих дней я узнала, что преждевременные роды убивают больше младенцев, чем что-либо еще, а из-за осложнений после них умирает больше детей в первый год жизни, чем по любой другой причине.

Если она родится в течение следующих двух-трех недель, спасти ее будет невозможно, никто из врачей даже не будет пытаться сделать это. Будет ли малышка достаточно сильной, чтобы бороться? Будет ли она задыхаться? Дышать? Плакать?

Если я продержусь еще на пять-шесть недель и пересеку рубеж двадцати пяти недель, то врач будет обязан попытаться спасти ей жизнь. Если я буду вынашивать ее еще два месяца, то есть до двадцати восьми недель, она скорее всего останется в больнице, чтобы научиться дышать и есть, а затем отправится домой.

Я знала, что до двадцати восьми недель не дотяну.

Спокойно и твердо врачи сказали, что мне нужно выждать еще месяц, до двадцати четырех недель, так как этот срок считается самым ранним порогом выживания младенца в утробе матери. В двадцать четыре недели у малышки будет шанс на жизнь, хоть и небольшой. И «выживание» не гарантирует качество жизни. Самое страшное – это родить незадолго до этого срока, то есть на двадцать третьей неделе, так как в этот период приобретение жизнеспособности граничит с тщетными попытками спасения. Современные технологии смогут поддерживать жизнь нашей дочери, но чего это будет стоить?.. Вопрос о том, стоит ли спасать таких младенцев, является одним из фундаментальных в медицине.

Медицинский центр «Бэйфронт», в котором я лежала под присмотром врачей, должен был стать моим домом на какое-то время, однако я не чувствовала себя там комфортно.

В родильном отделении должна царить атмосфера праздника. Палаты были одноместные, с раскладными диванами и плоскими телевизорами. На стенах коридоров были нарисованы абстрактные розы, что было продолжением мотивов оформления центра планирования семьи. Ширмы скрывали родовые муки.

Матери, которых вывозили в креслах-колясках, держали на руках толстых сонных новорожденных, а ответственные отцы шли за ними с воздушными шариками в руках. Каждый раз, когда рождался очередной ребенок, из громкоговорителя раздавалась колыбельная.

В этом уютном месте легко было вообразить, что все дети приходят в этот мир розовыми и пышущими здоровьем; что их пеленают, надевают на них шапочки и передают плачущим матерям и гордым отцам. Однако за ширмами в моей комнате и родовых палатах прятались кислородные маски, отсасыватели и эпинефрин.

В подвале был морг.

Хотя само родовое отделение официально и считалось частью «Бэйфронта», оно находилось через дорогу, внутри совершенно другого здания – детской больницы. Если ребенок родился с какими-либо отклонениями, подобно моей дочери, его продолжали лечить именно там.

Когда меня выписали домой, я, лежа в постели, все время смотрела на календарь: моя дочь дожила до двадцати одной недели, затем до двадцати двух. Дженнифер привезла мне уютную одежду и журналы. Мне нельзя было подниматься с постели, даже чтобы сходить на кухню. Том просил подругу приходить к нам домой и стричь меня. Я искала в «Гугле» фотографии наполовину сформированных младенцев. Большинство фото были связаны с отвратительной пропагандой запрета абортс или поверхностными историями о «чудо-детях» с трубками в трахее. И то и другое было для меня оскорбительно. Я не нуждалась ни в политике, ни в ложной надежде.

Я встретила как минимум с дюжиной врачей. Мой основной акушер-гинеколог доктор Томас Макнилл перевел меня в группу высокого риска, из-за чего я оказалась во власти целой кучи резидентов⁹. Каждый из них щупал меня, задавал вопросы. Была ли я сбита машиной? Били ли меня в живот? Обычно Том был рядом со мной, когда я рассказывала историю о велосипеде и идиотской соседской собаке, а врачи несмело отмечали в своих записях, что велосипедная авария скорее всего вызвала преждевременные схватки.

Я не упоминала о том, как Маппет врезалась мне в живот на соревнованиях по флайболу. Тому я тоже об этом не говорила. Я боялась, что он будет искать виноватых. Возможно, он даже бросит меня. Вдруг он решит, что я слишком безответственная, чтобы быть матерью.

⁹ То же, что ординатор в России.

Кровяной сгусток не уменьшался. На УЗИ он напоминал мне второго ребенка, младенца из крови, близнеца. *Оставь мою дочь, черт возьми.*

– Насколько все плохо? – спросила я доктора Макнилла, когда однажды он зашел, чтобы осмотреть меня. Он был со мной откровенен.

– Очень плохо, – сказал он. – У вас в матке сгусток крови размером с апельсин. Я боюсь, что беременность не разрешится благополучно.

Неудачная беременность.

Беременность – это состояние. Существительное. Синоним – «гестация».

Ребенок – это не беременность. Ребенок – это моя дочь. *Потерять дочь.* Она выскользнет из меня мокрая, немая, фиолетовая. Выскользнет из моего тела вместе с рекой моей крови. Она будет лежать у меня на руках, постепенно становясь серой.

Я сидела на диете из таблеток, чтобы успокоить свою матку, но она все равно сокращалась. Я начала понимать, что иногда врачи просто бессильны. Они ждали, когда я преодолēju рубеж в двадцать четыре недели. До этого момента у меня мог случиться выкидыш.

Во время моего второго пребывания в больнице один бестактный псевдоврач, пытаясь меня выписать, ясно объяснил мне свой взгляд на ситуацию. «Ваш ребенок не выживет, – сказал он, – так что поезжайте домой».

Я никогда раньше не видела этого парня, но он готовил бумаги для моей выписки. Он хотел, чтобы я отправилась домой и истекала кровью на свой собственный пол, не отвлекая при этом персонал больницы, у которого было много других, более важных пациенток на третьем триместре. Он, должно быть, заметил, как мое лицо исказилось от ярости.

– Что не так? – сказал он. – Мой план вам не понятен?

Бедняжка. Ему, вероятно, и тридцати не было. Обычный резидент, чья мать оплатила обучение, но не потрудились научить сына общаться с людьми.

– Мне понятен ваш план, – ответила я настолько холодно, насколько это было возможно.

– Ваш план – дерьмо. Выметайтесь из моей палаты и не возвращайтесь, пока не придумаете план получше, мать вашу.

Когда он вышел, меня трясло. Люди в белых халатах должны знать, что делать, не правда ли? Мой случай, по-видимому, не был описан в учебниках.

Я отекала от такого длительного пребывания в кровати. Мне приходилось носить больничные компрессионные носки и писать в утку. Мы с Томом поняли, что невозможно все время быть несчастными. Мы смотрели фильмы и болтали о личной жизни врачей и медсестер. Один врач выглядел как Кеннеди. Другой смешил медсестер: мы слышали их из коридора. Нашей любимой была сестра с каштановыми волосами, которую мы называли «Кексик». Она носила больничный костюм, на котором была эмблема «Анатомии Грея». Я воображала, как все они занимаются сексом в подсобке и сплетничают на посту. Один симпатичный врач, вырисовывая картину неразрешимой ситуации, творящейся в моей матке, поинтересовался, нет ли у меня вопросов.

– Всего один, – ответила я. – Мне кажется, или все люди на этом этаже невероятно привлекательные?

– Да, – сказал он. – И спасибо Господу за это.

Все эти люди побывали у меня между ног, а я слишком устала, чтобы думать об этом. Абсурдность всего этого смешила меня, хотя смеяться мне было противопоказано.

К двадцать третьей неделе я уже была измучена незамолкающей колыбельной, доносящейся из громкоговорителя. Все просто и естественно. Я была прикована к больничной койке датчиками, которые фиксировали вулканическую активность внутри меня и передавали показания на компьютерный монитор. Схватки накатывали и отступали, а когда они становились слишком сильными, врачи ослабляли их, поднимая мне ноги выше головы и вкалывая сульфат

натрия, из-за которого у меня возникало ощущение, что моя кровь превращается в раскаленную лаву. Именно в таком состоянии я была (с задранными ногами и пылающей кожей), когда врачи признали, что роды близко. К нам с Томом пришел неонатолог, чтобы обсудить детали.

Доктор Аарон Жермен был худым, добрым, с выражением постоянной тревоги на лице.

Я воспринимала его в качестве посланника с Земли больных младенцев, места, которого я не могла себе вообразить.

Он сказал нам, что знает, как сильно мы хотели этого ребенка, и что целая армия специалистов, вооруженная последними технологиями, попытается сохранить жизнь нашей дочери. Однако нам нужно было решить, действительно ли мы хотим спасти ее. Могли потребоваться месяцы активного вмешательства, в результате которого у нас на руках, возможно, остался бы живой, но очень травмированный ребенок.

Немногие врачи настояли бы на поддержании его жизни. Выбор был за нами.

Мы просмотрели список возможных осложнений, для каждого из которых была своя аббревиатура: ВЖК, ООО, РДСН, ХЛЗ, ДЦП¹⁰. Мое тело горело из-за сульфата магния. *Кровь в желудке. Открытое овальное окно. Респираторный дистресс. Хронические легочные заболевания. Вентиляция легких. Инвалидная коляска. Слепота. Глухота. Задержки развития. Аутизм. Эпилепсия. Церебральный паралич.*

Ребенок был недоразвит и слаб. Любое лечение обойдется очень дорого. Даже если она выживет, то, вероятно, будет страдать тяжелыми заболеваниями.

Вероятность, что она умрет, несмотря на все усилия, более пятидесяти процентов.

Вероятность, что она либо умрет, либо будет иметь тяжелые проблемы со здоровьем: шестьдесят восемь процентов.

Вероятность, что она либо умрет, либо будет иметь проблемы со здоровьем средней тяжести: восемьдесят процентов.

Существовал шанс, что она выживет и будет относительно здорова, – двадцать процентов. Я представляла, как она сидит в классе коррекции, страдает от астмы и носит очки с толстыми линзами.

Мы купим ей очки в розовой оправе со стразами и скажем, что они клевые.

Я размышляла над этой цифрой: двадцать процентов. Ситуация не казалась мне безнадежной. Однако представьте себе револьвер с барабаном на пять патронов, мысленно поместите в него четыре пули и сыграйте в русскую рулетку. Стали бы вы уповать на шанс в двадцать процентов, если проигрыш лишил бы вас всего, что вам дорого? Станем ли мы подвергать нашу дочь агрессивному лечению, чтобы она смогла жить в специализированном интернате или постоянно находиться на вентиляции легких? Выиграем мы или проиграем? Распадется ли наш брак?

Доктор Жермен самоотверженно консультировал нас, пока мы искали несоответствия в статистике. Он сказал, что девочки выживают чаще мальчиков, но белые младенцы, как наш, справляются хуже темнокожих. Перед родами мне вколют стероиды, чтобы укрепить легкие нашей дочери. Она появится на свет с помощью кесарева сечения, чтобы ее тело не повредилось в родовых путях.

Но мы хотели знать, каковы шансы девочки, чьи хорошие родители будут петь ей песни и читать книжки? Девочки, у которой есть два старших брата, тети, дяди и дружелюбная собака с большими ушами? Девочки, которая дремала внутри меня, чье сердцебиение напоминало

¹⁰ ВЖК – внутрижелудочковое кровоизлияние, ООО – открытое овальное окно (неполное закрытие овального отверстия в межпредсердной перегородке), РДСН – респираторный дистресс-синдром новорожденных, ХЛЗ – хроническое легочное заболевание, ДЦП – детский церебральный паралич.

нам о том, как хорошо и безопасно ей было там и как неправильно сейчас будет доставать ее на яркий свет и холодный воздух?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.